

Дарья Калинина

Брачная
НОЧЬ В МУЗЕЕ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

Брачная ночь в музее

«Эксмо»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Брачная ночь в музее / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-100272-5

Ксюша всегда мечтала работать в музее, и вот ее мечта сбылась! Но вскоре стало ясно, что не все в местном коллективе так гладко и хорошо, как кажется на первый взгляд. А всему виной новый сотрудник Веня, который метит в директора и собирается переманить на свою сторону всех молодых сотрудников музея, а старых – уволить. И вот, когда наконец приходит приказ о назначении Вени на пост директора, его обнаруживают убитым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100272-5

© Калинина Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Калинина

Брачная ночь в музее

Глава 1

Приближаясь к месту своей работы, Ксюша всякий раз испытывала сложную гамму чувств, то и дело переходящую от неопишуемого восторга, что ей повезло работать в таком замечательном музее, до легкого замешательства, а достойна ли она того, чтобы тут трудиться. И всякий раз девушка для себя четко понимала: даже если сейчас еще и не очень достойна, то в будущем выправится, потому что она хочет работать именно тут, и больше нигде.

Это место ее очаровало с первого взгляда. И здание, и сами люди, сотрудники музея, с которыми ей предстояло работать бок о бок, с самого начала встретили ее как родную дочь, а кто и внучку. Все они были уже в возрасте, так что юная Ксюша являлась приятным разнообразием в их коллективе.

Инна Карловна – главный хранитель фондов – так ей и сказала:

– Дорогая моя, не удивляйтесь тому, как хорошо к вам все у нас относятся. Например, что касается меня, то мою симпатию легко понять, у меня самой есть дочка ваших лет. К сожалению, видимся мы с ней крайне редко. Алекса вместе со своим мужем и его родителями живет в другом городе. Так что, когда вы появляетесь у меня перед глазами, я невольно думаю о ней. И это бывает очень приятно.

Другая сотрудница их отдела выразилась проще:

– Ксения, вы у нас словно солнышко. Всегда с улыбкой. Когда вы входите в помещение, в нем словно бы становится светлее.

Что касается мужской части музея, то все они были покорены красотой и обаянием девушки с первого взгляда. И все, начиная с охранника и заканчивая директором, являлись ее верными друзьями, покровителями и просто оруженосцами. Если бы Ксюша была чуть хитрей, она могла бы вертеть всеми ими, как ей заблагорассудится. Но в обаянии девушки не было никакого намека на расчет. Она стремилась быть милой и приветливой с людьми просто потому, что находила это приятным для себя. Куда лучше встречать со всех сторон ответные улыбки, чем косые враждебные взгляды.

Вот только в последнее время на прежде безоблачном горизонте стали собираться какие-то непонятные тучки. И чем дальше, тем гуще и черней становились тучки.

Как уже говорилось, когда Ксюша была принята на работу в музей, то костяк его сотрудников составляли преимущественно люди пожилого и даже сильно пожилого возраста. Из молодежи, если не считать парочки ночных охранников, никого и не было. Самыми молодыми в музее были до прихода Ксюши двое – Георгий и Кристина. И хотя им обоим уже перевалило за сорок, они считались в музее молодежью. Но потом в музей взяли Андрея. И на этом безмятежная жизнь девушки закончилась.

Нет, не то чтобы Андрей как-то угрожал ей или грубо к ней обращался, но она почему-то сразу невзлюбила этого молодого человека. Девушка не могла понять причину этой антипатии и долгое время пыталась убедить саму себя, что Андрей – отличный парень и что она просто ревнует. Ведь теперь «ее старички», как она привыкла называть своих коллег-сотрудников, увлеклись им. А Ксюша с ее лучезарной улыбкой вроде как отошла на второй план.

Не в этом ли крылась причина Ксюшиной неприязни? Девушка старательно пыталась анализировать новое для нее чувство. Раньше ей как-то не случалось испытывать антипатию к кому-либо без какой-то веской причины. Случалось и раньше, что Ксюшу обижали и какое-то время она строила относительно своего врага различные мстительные планы или таила глу-

боко внутри обиду. Разумеется, потом со временем все прощала и забывала. Надо сказать, что прощала Ксюша легко и всегда от всего сердца. Вот забывала она уже значительно сложнее, всегда помня про себя мудрую русскую пословицу: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто старое забудет, тому оба».

Но в случае с Андреем дело было в чем-то другом. Андрей ничем не обижал Ксюшу, ничем не вызвал ее гнева или даже раздражения. И в том, что старые сотрудники музея были увлечены новым коллегой, не было ничего удивительного. В музей приходили работать на долгие годы, а иногда и на всю жизнь, и поэтому на Андрея многие смотрели как на своего преемника. И присматривались к молодому кандидату соответственно очень пристально.

Точно так же смотрели и на Ксюшу. И вроде как им с Андреем полагалось составить костяк будущего научного ядра музея. Именно так им все в музее и говорили:

– Вы – молодые, за вами жизнь. Старая гвардия постепенно отойдет в прошлое, музей останется на вас. Очень важно, чтобы вы смогли достигнуть взаимопонимания и двигаться в одном направлении.

А Инна Карловна пошла еще дальше и предрекла Ксюше в женихи именно Андрея:

– Тут и думать нечего. Вы – молодая девушка, он – молодой мужчина. И ни у одного, ни у другого нету второй половины. Вам прямой путь к алтарю!

– Но мне Андрей совсем не нравится.

В ответ Инна Карловна неодобрительно поджимала губы, которые и без того были у нее тонкими, а тут вовсе вытягивались в одну сплошную линию. И цедила:

– Раньше бы вашего мнения, Ксения, и спрашивать даже не стали. Помните, как Суворов обвенчал молодых парней в своей деревне?

Ксюша помнила эту историю почти дословно. Вернувшись как-то в свое имение из боевого похода, фельдмаршал обратил внимание на то, как мало детей бегают по его имению. Вызвал старосту, спросил: отчего это? Не мор ли был какой у них? И почему ему не сообщили? Староста же отвечал, что жители деревни находятся в добром здравии. А детей нету оттого, что молодые парни не женятся. А не женятся они по причине отсутствия в деревне свободных невест.

Услышав такое, Суворов осерчал на беспорядок. Он тут же приказал управляющему отправляться за невестами. Было время крепостного права, за невестами дело не стало. Купили, привезли молодых девушек на нескольких подводах. Суворов тут же приказал выстроить по росту в две шеренги всех вновь прибывших девиц и холостых парней. И, когда это было исполнено, приказал бить в барабаны, трубить в трубы и маршировать молодым в церковь. Там местный батюшка быстро обвенчал все пары.

И казалось бы, все очень славно получилось. Легко и быстро. Вот только при выходе из церкви возникла давка, сумятица, пары в суматохе потеряли друг друга, и на улице никто не мог понять, где же его муж или жена. Оказалось, что впопыхах ни женихи не успели разглядеть хорошенько своих невест, ни невесты не успели заметить, за кого они вышли замуж. И в результате в рядах новобрачных началось настоящее смятение, плач и форменная паника.

Не растерялся один лишь фельдмаршал. Он вновь приказал выстроить парней и девушек в две шеренги по росту, и таким образом только что обвенчанные пары нашли друг друга. И после этого скомандовал маршировать им домой. Через два года по улицам имения уже всюду бегали многочисленные народившиеся ребятишки. Суворов был доволен. Будет кому землю от врага защищать. Будет кому новых воинов рожать.

Инна Карловна была солидарна со своим любимым фельдмаршалом:

– Вот как надо!

– Сейчас не те времена, – пыталась отнекиваться Ксюша.

Но Инна Карловна была в вопросах семьи и брака неумолима не хуже самого фельдмаршала. Отговорки невесты в том, что потенциальный жених ей не нравится, Инна Карловна в

качестве стоящих не воспринимала. Молодая девушка должна выйти замуж, или же со временем ей придется принять постриг и уйти в какой-нибудь монастырь. Так или иначе человек должен приносить пользу своей стране. А жить молодой женщине одной – это только грехи в мире плодить.

– Ксюша, поймите, вы – молодая девушка, находитесь в опасном положении. Любой может вас обмануть.

– Да зачем же меня обманывать?

– Знали бы вы, какие нынче нравы! Многие мои подруги и сами матери, но матери взрослых сыновей считают, что пусть их мальчишки рано и не женятся. Зачем мальчишкам жениться, говорят они мне. Найти себе подружку можно и так. А я считаю, что это непорядочно в отношении девушек. Всякая девушка, когда молодой человек начинает делать ей авансы, в первую очередь думает о будущей семье, о браке. И поэтому она вступает в связь с мужчиной. А он наобещает девушке золотые горы или даже замужество, а сам имеет лишь одну мысль – как бы ему удовлетворить свои животные инстинкты. И получается, что девушка оказывается обманута. Не хочу, чтобы с вами, Ксения, получилось так.

– Инна Карловна, да ведь Андрей на меня и не смотрит даже! А вы его мне сватаете.

– Ну и что с того, что сейчас не смотрит! – возмущалась хранительница. – А ты обрати на себя его внимание, он и посмотрит. Вот уж поверь, глаз от тебя не оторвет. Возьмем, к примеру, меня. Чтобы ты знала, мой муж тоже не смотрел на меня вначале, все работа и работа у него на уме была. Мы с ним в одном КБ работали. Я простая чертежница, он старший инженер – руководитель нашей группы. Молоденький был совсем, но умел так выстроить отношения с подчиненными, что все его уважали. В первую очередь потому, что знали: Саша ни с кого лишнего не требует. И сам на работе выкладывается больше, чем кто-либо другой.

Муж у Инны Карловны был человеком ответственным. Это все признавали. Если уж он что-то обещал, то можно было быть уверенным, дело будет сделано в кратчайшие сроки и наилучшим образом.

– Так вот, ко мне он относился ровно, как ко всем прочим своим сотрудникам. А мне он нравился. И я ему сначала улыбнулась, потом на совещании какой-то совет осмелилась дать. Совет стоящим оказался, мы с ним поговорили немножко после совещания. Он меня похвалил. Я расспросила, как ему удалось добиться таких результатов. Он мне стал рассказывать про свою семью, какой у него был требовательный отец, как строго его воспитывали. И я все слушала очень внимательно, не потому что мне было так уж интересно, а потому что видела, для него эта тема крайне важная. Так у нас с ним зародилось что-то вроде приятельских отношений. Как-то мне мама дала два билета в театр, я Сашу пригласила. Потом он меня на балет пригласил. Так и пошло у нас дело. Новый год справляли вместе у его родителей. Я им понравилась. Мы очень хорошо провели вместе время. И на следующий год мы с Сашей уже поженились. В общем, любая настоящая женщина знает, как себя повести, чтобы обратить на себя внимание понравившегося ей мужчины, чтобы он был уверен: эту женщину он выбрал исключительно сам и по своей воле.

– У меня так не получится.

– Получится! Ты только попробуй!

Но Ксюше и пробовать не хотелось. Не нравился ей Андрей. И обращать его внимание на себя Ксюше совсем не хотелось. Тем более что вскоре у них в отделе появился еще один молодой человек – Веня. Он появился по протекции Андрея, который и не скрывал своих давних дружеских отношений с Веней. Вот с этим новеньким Андрей мог проводить все свое время. Сначала все недоумевали, что за дружба такая между этими двумя, что водой их не разольешь. Потом стали замечать, что в дружеских отношениях с Веней в большей степени заинтересован Андрей.

Также вскоре выяснилось, что у Вени высоко наверху имеется то ли отец, то ли какой-то другой близкий родственник. И что в Москве, в самом Министерстве культуры, персону Вени хорошо знают. Так что принять или не принять Веню к ним в музей на работу, такого вопроса даже не стояло. Веню уже ждали, когда он явился. И его взяли сразу же на ставку младшего научного сотрудника, хотя диссертация у Вени была еще только в проекте. Да и не было никакой диссертации, одни наброски к ней.

Изучивший материалы этой «диссертации», Глеб Михайлович потом целый день ходил в шоковом состоянии и делился злым шепотом со всеми, кто хотел его слушать:

– Они там в министерстве что, вообще с ума сошли?! Какая там научная работа! Фуфло! Мусор! Несколько сканов из книг по фалеристике, соединенные ничем не обоснованными связками-выводами. Мой внучок в третьем классе писал реферат про знаки отличия в Красной армии, так у него работа и то с большим основанием может претендовать на кандидатскую, чем эти писульки нашего Вени!

– Так ведь внучок под вашим руководством свой реферат писал. Вот и Вениамин с вами запросто напишет свою кандидатскую.

– Ага! А потом мое же место займет!

– Вам давно пора на покой. Сами жаловались, что сменщика нет.

– А его и нет! Этот сопляк разве фалеристикой увлечен? Как бы не так! Я его к стенду подвел, показываю, тут у нас знаки Суздальского полка, тут офицерские, тут солдатские, тут медали, которые при посвящении в полковые офицеры кидали на банкете по случаю прибытия в полк в бокал с шампанским. А Веня стоит, ногами перебирает, только и думает, как бы ему от меня сбежать. И плевать ему на то, что всякому новому офицеру в полку обязательно заводили отдельный столовый прибор – серебряные ножи и вилки, фарфор, хрустальный бокал с символикой его полка. И в бокале медаль обмывали. После обмытия ее обычно носили на шее.

– Вы всегда очень интересно рассказываете. Вас даже школьники слушают с вниманием.

– А этот парень не стал меня слушать! Скучным Вене мой рассказ показался. Длинно больно. Вы, говорит, мне только краткие сведения давайте. Все только вкратце, я вас очень прошу. А разве можно про историю нашей армии, про наших героев и вкратце? Как человек, явившийся работать в музей, вообще осмеливается о чем-то таком просить? Чтобы вкратце? Нет, это у меня в голове не укладывается! Наоборот, он жадным должен быть до знаний. Ему все должно быть интересно. Он меня просить должен, чтобы я рассказывал и рассказывал. У него глаз должен гореть, когда он на кресты и медали смотрит. А у этого глаз тухлый! А значит, и нутро у него тухлое. Не желаю я себе такого сменщика, и пусть там в министерстве хоть что делают.

Однако невзирая на бурчание Глеба Михайловича, мнение которого все очень уважали, ссориться с директором – Иваном Петровичем, который стоял за Веню горой, – и неким всемогущим родственником из министерства никто не отважился. Веня получил экскурсии, часы для научной работы, а Глеба Михайловича сделали его научным руководителем и вроде как ответственным за будущую кандидатскую Вени.

– Обложили меня! – жаловался старик. – Со всех сторон обложили! Не буду этому гаде-нышу помогать, он такую ерунду напишет, что мне же потом стыдно будет.

– И все равно защитится, коли у него такая лапа наверху.

– Вот это и обидней всего. Защитится и на мое место сядет. А знаний у него ноль. Я лично проверял. Книжки ему давал читать, ничего не усваивает. И обидней всего, что такой человек может занять мое место. Как подумаю, прямо как ножом по сердцу. Он же один способен всю научную работу запороть. У него ни знаний, ни чутья, одно лишь высокомерие и снобизм.

Ксюша была целиком и полностью на стороне Глеба Михайловича. Ей тоже претило, как презрительно Веня общался со стариком. Будто бы тот был ему что-то должен. Будто бы все вокруг были Его Сиятельному Величеству Вениамину что-то должны.

А Глеб Михайлович еще и от себя добавлял:

– И хуже всего то, что не любит Веня нашу историю. И страну нашу не любит. Ему бы все только иностранное нахваливать. А к таким людям у фельдмаршала свое отношение было. Помните, как он одного своего адъютанта французам захотел отдать?

Был у фельдмаршала адъютант, который все иностранное, в частности французское, нахваливал. В Париже сейчас шоколад пьют, в Париже сейчас променад по Елисейским Полям делают, в Париже то, в Париже сё. И все-то ему нравится, все-то он чужое хвалит. Фельдмаршал долго терпел. Встретит молодого офицера и все спрашивает у него, где батюшка с матушкой у адъютанта живут, под Парижем, чай, у них имение. А юноше и невдомек, что фельдмаршал его к разуму призвать пытается. Решил, что чудаконат фельдмаршал к старости стал, головой слаб, не помнит, что раньше спрашивал. Видит фельдмаршал, что молодой офицер его намеков не понимает, и другую штуку придумал. В ту пору между пленными русскими и французами был обмен. Насчитали пятерых французских офицеров к обмену, но фельдмаршал потребовал, чтобы к ним добавили шестого – своего адъютанта.

– Отдайте его французам, ребятки.

Тот услышал и на колени бух:

– Как же так, помилуйте, я коренной русак, за что же вы мне такой доли хотите?

Фельдмаршал в ответ:

– Нет, нет, француз он. Возвращайте его к своим.

Тут уж офицер смекнул, что к чему, и взвыл:

– Да не француз я, русский! Простите меня! Больше не буду французское нахваливать!

Фельдмаршал остался своей наукой доволен:

– Так-то! Всегда помни, где ты родился, кто твой отец с матерью и кто ты сам есть на самом деле!

Но рассказанная Вене история не произвела на него никакого впечатления. То ли аналогии между собой и глупеньким адъютантишкой не провел, то ли считал, что не найдется на его голову нового Суворова. Только вести себя Веня продолжал по-прежнему, а именно – очень заносчиво и высокомерно.

С Ксюшей молодые люди даже не пытались дружить. Все свободное время они проводили вдвоем. Что-то горячо обсуждали, хихикали, строили совместные планы. Андрей называл Вениамина – Веней. А тот его Дюшей. Звучало это сюсюканье до того противно, что у Ксюши прямо тошнота к горлу подкатывала, когда она замечала этих двоих, устроившихся вдвоем на одном кресле и склонивших головы... Нет, не над какой-нибудь картой военных действий русско-австрийской армии против французов, а над обычным глянцевым журналом.

– Инна Карловна, неужели вы думаете, что из Андрея получится дельный картограф?

Андрей считался помощником Инны Карловны. Делать он толком ничего не делал. А уж с появлением Вени и вовсе забросил свою работу. Но Инна Карловна все равно была настроена к своему подчиненному либерально:

– Все мы были молоды и глупы. Но все мы со временем чему-то да научились. Андрей освежил нашу работу. Эта его игра очень популярна у детей.

Речь шла о напольной игре, где четверка русских казаков вступала в схватку с четверкой французов. Карта была расстелена прямо на полу, и каждый квадрат что-нибудь да значил. Две команды по четыре игрока в каждой команде, все игроки переодевались в костюмы той эпохи, им давали игрушечных лошадок, и они играли друг против друга. На карте будущих военных действий были и окопы, и броды, и вскопанные пашни, и леса. Любого всадника могли обстрелять, он мог попасть в засаду, но мог встретить проводника, который проведет весь отряд через чащу или поможет найти вражеский штаб. Вроде бы что тут такого? Но дело оказывалось весьма азартным. В интерес дети входили по мере продолжения игры. И если вначале

игроки выглядели скорей озадаченными, чем довольными, то, уже сделав первые несколько ходов, оживлялись и совершенно преображались.

Они теперь были не Колями и Петями, они были лихими всадниками с саблями на изготовку, участниками сражения, сами выстраивали свою стратегию, от действий каждого зависел успех или провал всей операции. Дети входили в азарт, радостно кричали и прыгали по клеткам, переправляясь через свежевскопаннные пашни и речные броды и разыскивая штаб противника. Они приветствовали удачный ход своих и чуть ли не плакали, когда им доводилось проигрывать.

Что же, пусть это нельзя было хоть в какой-то мере назвать научной работой, которую полагалось вести Андрею, но зато было полезно для репутации музея и, конечно, привлекало в него новых маленьких посетителей. Но Веня и такого дела не делал. Возиться с детьми ему было так же противно, как и слушать Глеба Михайловича. Свои экскурсии Веня проводил с такой рекордной скоростью, что скоро это стало выглядеть просто неприличным. Даже школьники бывали ошарашены, когда через четверть часа им уже объявляли, что они свободны и могут отправляться по домам. Но Вене все сходило с рук. Никто не заставлял его утруждать себя, просто Глебу Михайловичу велели подходить к середине экскурсии и принимать экскурсантов на себя.

– К середине! Как же! Да он уже через десять минут готов от них сбежать! Оставшиеся пятьдесят минут я их по залам вожу!

Таким образом, зарплату платили Вене, а всю работу за него вел Глеб Михайлович. Хотя у старика и прежде было полно своей собственной работы, которую с ним, по идее, и должен был бы разделить Веня. Но последний никак не хотел уразуметь этот простой факт.

Время шло, и напряжение между наставником и его непутевым учеником нарастало. Глеб Михайлович сделал Вене несколько замечаний, после которых Веня стал уже открыто манкировать своими обязанностями. Отныне он считал себя свободным от всех обязательств и при встрече смотрел куда-то в сторону и мимо Глеба Михайловича, не слушая и не замечая старика.

А иногда поведение Вени перерастало в откровенную грубость, когда Веня вставал прямо посередине неоконченной фразы своего наставника и уходил прочь, ясно давая всем вокруг понять, что Глеб Михайлович для него пустое место, его словно бы и нет, он не существует. И если пока что Веня и готов признать существование старика, то лишь в том небольшом объеме, годном для того, чтобы написать для Вени сносную диссертацию. А потом Глебу Михайловичу полагалось тихо и мирно отойти в сторону, на сей раз уже окончательно исчезнув с глаз Вени.

Сотрудники музея все замечали, жалели Глеба Михайловича и шушукались между собой:

– Не повезло старику.

– Вот так всю свою жизнь отдашь работе, а потом из-за какого-то хлыща, у которого папенька в министерстве сидит, тебе пинок под зад, и отдыхай на пенсии.

Ксюша выразилась ясней всех:

– Глеб Михайлович у нас просто герой! Ему впору орден давать за выдержку. Я бы уже давно этого Веню просто придушила.

Но дальше жалости у сотрудников дело не шло. Открыто дать бой ставленнику министерского папаша никто не решался. Более того, стали ходить слухи, что вскоре Веню повысят, вне зависимости от степени готовности его диссертации. И Ксюша с огорчением наблюдала, как с каждым днем седая голова Глеба Михайловича становится все белей, плечи опускаются все ниже, а походка становится все менее уверенной. Глеб Михайлович явно смирился со своим поражением и теперь думал лишь о том, как бы ему отвести свои полки с наименьшим ущербом.

Ксюше было очень неприятно наблюдать всю эту драму. Теперь и на работу она шла уже без прежней охоты. И хотя лично ее Веня с Дюшей никак не трогали, девушка понимала: стоит

этим двоим забрать в музей власть в свои руки, как они примутся назначать на все должности своих ставленников. Таких же противных хлыщей и снобов. И с ними Ксюше будет не работать. И тогда ей самой придется уходить из музея. А уходить ей очень не хотелось. И было похоже на то, что аналогичные мысли крутились в головах у многих.

– И зачем мы согласились взять эту парочку?! Сразу бы отказали, теперь голова бы не болела.

Вот уже все стали замечать, что и Инна Карловна поглядывает в сторону Дюши без прежней симпатии. А когда она сделала ему первый в жизни выговор, все поняли: Инна Карловна окончательно прозрела. Тому была своя причина: Инна Карловна в тот день обнаружила множество неточностей в докладе, который она поручила Андрею написать для нее. И женщина поняла, что здорово бы опозорилась, вздумай выступить с этим докладом на вечере, посвященном Отечественной войне 1812 года, и в частности сражению под Малоярославцем.

Кто запомнил, сражение это произошло уже после отступления Наполеона из Москвы. И основное значение его заключалось в том, что по его исходу французская армия оказалась отрезанной от сытых и богатых южных губерний и была вынуждена отступать по разоренной ими же самими дороге на Смоленск, где французов уже давно с нетерпением поджидало крестьянское ополчение, здорово проредившее французские полки.

Конечно, Инна Карловна знавшая диспозицию сил этого сражения как свои пять пальцев, мигом вычислила все ошибки и неточности. И успела их исправить. Но былое ее доверие и симпатия к Андрею ушли безвозвратно.

– Все! Кранты Андрею. Коли наша Инна Карловна в ком разочаруется, назад ее любовь уже не вернешь. Она и с первым своим мужем так развелась. И в заявлении на развод прямо так и написала: прошу развести из-за утраты им моего доверия.

– Если с Веней она схватиться не решится, все-таки у него папа в министерстве, то у Андрея родители самые простые. За него заступиться некому. Инна его просто пережует и выплюнет!

Но Ксюше не казалось, что изгнание Андрея из музея пройдет так уж легко и гладко. Напротив, чем дольше она наблюдала за происходящим, тем меньше у нее оставалось надежды на то, что Инне Карловне пусть даже при поддержке Глеба Михайловича удастся справиться с молодыми наглецами.

После того как Глеб Михайлович и Инна Карловна отвернулись от своих помощников, в музее произошел настоящий раскол. Кто-то остался верен прежнему курсу власти, кто-то поспешил примкнуть к новичкам, надеясь, что их услуги не будут забыты и что при перераспределении музейных благ новой властью им достанутся тепленькие местечки, занятые нынче старичками.

Когда эти разговоры дошли до ушей Инны Карловны, она окончательно вскипела:

– Пригрела гаденьша на своей груди! Учила его всему! И вот какова его благодарность.

Но Андрей, кажется, не замечал недовольства своей начальницы. Веня с Дюшей образовали костяк группы, к которой примыкали все новые и новые сторонники. И каждый день Ксюша с огорчением наблюдала, как эти двое обрастают все новыми малодушными отступниками и предателями. Подумать только, а ведь все эти люди казались такими милыми, так безоговорочно признавали авторитет старейших сотрудников музея. Но стоило подуть ветру перемен, стоило им почуять, что есть шанс изгнать стариков и самим занять их места, как эти люди охотно встали под знамена врага.

Ксюша не могла не возмущаться в душе. Ладно, если бы так повела себя она. Она в музее работает совсем недавно. Но все эти люди работали бок о бок со старичками не один год, а некоторые, так и по десятку лет. Хотя, как знать, проработай Ксюша без повышения в должности добрых двадцать лет, возможно, что и она сейчас бы вошла в ряды бунтарей.

Хотя нет, никогда бы этого не случилось! И вовсе не из-за совестливости Ксюши. Но девушке претило то, как Веня, а с его легкой руки и все прочие стали относиться к музею. Как к какому-то отжившему свое ветхому и ненужному хламу. Память великого фельдмаршала ошелмывалась, подвиги его затирались, а на свет извлекались какие-то биографические данные, вовсе не существенные в свете его славы, но оттого еще более пошлые и скабрёзные. Фельдмаршалу предстояло стать в руках этих людей каким-то паяцем, ярмарочным скоморохом, чьи выходки должны были забавлять толпу туристов, а не служить делу обучения подрастающего поколения патриотизму и горячей любви к Отчизне.

Когда Инна Карловна услышала, как Веня разглагольствует о якобы существовавших неуставных отношениях фельдмаршала с его молодыми адъютантами, ей стало дурно. У женщины так сильно закружилась голова, что она попросила Ксюшу проводить ее из зала наверх в ее рабочий кабинет. И там, расположившись в огромном, обтянутом кожей кресле, Инна Карловна дала волю обуревавшим ее чувствам.

Слов у нее нашлось немного. От гнева пожилая женщина могла лишь повторять одно и то же:

– Какая мерзость! Какая низость!

По мнению Ксюши, тот накал чувств, который демонстрировала Инна Карловна, полностью компенсировал отсутствие у нее красноречия. Когда Ксюша дала начальнице стакан с водой, ей показалось, что он моментально нагрелся, вода в нем начала булькать, а над поверхностью воды даже появился характерный для закипающего напитка пар.

– Уверена, это все ложь, – попыталась утихомирить она Инну Карловну.

– Они извращают правду. А это есть худший вид лжи. Конечно, у фельдмаршала были адъютанты, у всех высших офицеров они были. И фельдмаршал, относящийся по-отечески ко всем, мог покровительствовать этим молодым людям. Но в его чувствах не могло быть ничего низкого. Низость и его имя просто несовместимы!

Инна Карловна вновь затряслась от злости с такой силой, что вода выплеснулась из стакана, и даже громоздкое кресло под ней подпрыгивало.

– Нет, не могу такое простить, – бормотала она, вцепившись в ручки кресла и словно готовясь к полету. – Что угодно, но только не это! Напрасно я не верила словам Глеба! Оказывается, это все правда! Эти двое вливают грязь в уши проходящих к нам детей! А я-то радовалась, что у нас в музее появилась толковая молодежь!

Тут она спохватилась и виновато взглянула в сторону Ксюши:

– Разумеется, к тебе это не имеет никакого отношения.

Вошедший в этот момент в кабинет Глеб Михайлович одобрительно кивнул в знак своего полного и безоговорочного согласия.

– Да, у нашей Ксюши закваска правильная, – сказал он. – Перебродит, дело будет. Не то, что у этих двоих – нутро у них гнилое. Сколько ни пытайся, ничего доброго из них уже не получится.

Инна Карловна взглянула на своего старого друга.

– Как с теми?

И голос у нее прервался от волнения. Но Глеб Михайлович не дрогнул.

– И с другими тоже, – твердо произнес он.

И двое старейших сотрудников музея обменялись друг с другом долгими взглядами. Как ни наивна была Ксюша, но даже она должна была признать, что вид у этих двух старичков был в этот момент на редкость заговорщический. Но что они замышляют, Ксюша понять не могла.

Глава 2

После того как Ксюшу вежливо, но твердо попросили удалиться из кабинета Инны Карловны, туда проскользнули двое или трое старейших сотрудников, пока еще сохранивших верность былым традициям. Но, приняв присягу на верность от своих вассалов, Инна Карловна и этих товарищей также безжалостно выдворила прочь. В кабинете остались вновь лишь Инна Карловна с Глебом Михайловичем. И там начался настоящий военный совет. Ксюша готова была голову поставить в заклад, что эти двое сейчас придумывают план, как им избавиться от наглых сопляков, вздумавших покушаться на святое.

Ксюша не могла себя заставить отойти от дверей кабинета. Девушку мучило жгучее любопытство. Что же затевают стариканы? Вид у них обоих был достаточно интригующий. А лица тех, кто заходил в кабинет после Ксюши и вышел назад, заставляли насторожиться еще больше. На них читались и озабоченность, и испуг, и даже легкая паника, как у Зинаиды Никитичны – их главного бухгалтера, на должность которой никто и не думал покушаться, потому что только сама Зинаида Никитична была способна разобраться в своей бухгалтерии, которую вела уже почти сорок лет кряду, ни разу не изменив родному музею.

Зинаида Никитична была существом чудаковатым даже по здешним меркам. Всякий раз, когда Ксюша заходила по какому-нибудь вопросу в бухгалтерию, она обнаруживала, что горы бумажных папок выросли над склоненной головой главбуха: еще немного и, того и гляди, обещают рухнуть и похоронить под своей лавиной саму Зинаиду Никитичну, чье маленькое тельце совершенно терялось среди окружающей ее горы бумажной макулатуры.

– Зинаида Никитична, цифровые технологии на дворе. Что вы все распечатываете? И не лень вам!

Но Зинаида Никитична в ответ лишь фыркала:

– Ничего, ничего! Когда вся эта «технология» накроется, вы меня еще вспомните добрым словом!

Несмотря на то что вся информация о выплатах сотрудникам, оплате счетов музея и закупке необходимого инвентаря фиксировалась в компьютере, Зинаида Никитична сохранила стойкое недоверие к электронике и предпочитала все дублировать на бумаге. Это ее увлечение стоило музею множества упаковок бумаги для принтера, а на самой краске для принтера, по словам завхоза Юрия Петровича, можно было разориться.

Несколько раз директором предпринимались попытки выжить Зинаиду Никитичну из ее царства, но всякий раз как-то так получалось, что компьютеры давали сбой, вся электронная статистика исчезала, и восстановить ее можно было исключительно из бумаг. А что и где у нее лежит, знала одна лишь Зинаида Никитична, которая ни с кем этой информацией не стала бы делиться. И очередное начинание директора гасло как-то само собой.

И вот эта маленькая старушенция, выйдя сейчас от Инны Карловны, выглядела такой бледной и напуганной, что Ксюша поспешила к ней.

Зинаида Никитична протянула ей сухую лапку и неожиданно цепко ухватила Ксюшу за руку:

– Деточка, пойдём ко мне. Нам с тобой надо хорошенечко потолковать.

Недоумевая, о чем могла бы поговорить с ней Зинаида Никитична, которую редко видели вне стен ее родной бухгалтерии, Ксюша все же пошла вместе со старушкой. И уж вовсе она удивилась, когда Зинаида Никитична отвела ее в заднее помещение, куда не допускала, на памяти Ксюши, еще никого. Это были личные владения бухгалтерши, обжитые ею за долгие годы службы не хуже, чем родной дом. Да так оно и было, потому что тут Зинаида Никитична проводила большую часть своей жизни. У себя дома, куда она приходила поздно, а уходила

рано, старушка разве что спала. Настоящая жизнь Зинаиды Никитичны проходила здесь. И девушка с любопытством озиралась по сторонам.

На окнах висели простенькие занавесочки, стены украшали скромные акварели, мебель была музейной с инвентарными бирками. На столе стоял старомодный электрический чайник с пестрым тряпичным шнуром, белым штепселем, и внутри у него была спираль, покрытая многолетним слоем ржавчины от богатой железом местной воды. Чай был заварен в керамическом чайничке с розочкой на боку.

– Дорогая моя девочка, – начала Зинаида Никитична, разливая чай по белым бокалам с наполовину стершейся золотой каймой и используя для этих целей заварку в очень разумных пределах. – Я всегда хорошо к тебе относилась и должна тебя предупредить: очень скоро в нашем музее произойдут значительные события.

– Да, я это понимаю. Чувствую.

– Тебе могут поступить некоторого рода предложения... ммм... тебе могут предложить примкнуть к молодым людям, задумавшим...

– Бунт!

– Реконструкцию, – деликатно поправила ее Зинаида Никитична. – Новые правила. Новшества.

Эту фразу она произнесла, презрительно скривившись. И Ксюше сразу стало ясно, какого мнения их бухгалтерша о том, что назревает в музее. Но зачем она ее позвала?

– Дело в том, что я помню еще твою бабушку, она бы хотела, чтобы я присмотрела за тобой. Это мой долг. Да-да, долг.

– Вы знаете мою бабушку?

– Мы с ней когда-то учились вместе.

Было в этой фразе что-то значительное. Но что именно, Ксюша не понимала. Какие эти старички все таинственные. А ведь бабушка Ксюши и впрямь в молодости училась в университете на экономическом. Тогда этот факультет вовсе не считался престижным. Поступить на него было легко. Студентов он не привлекал. Ну скажите, что за интерес сидеть в пыльной бухгалтерии, считая ведомости? То ли дело языковое отделение, дающее хотя бы шанс на то, что будущая работа окажется связанной с поездками за границу, куда мечтал попасть каждый среднестатистический советский гражданин, чтобы хоть одним глазком увидеть, как оно у них там. А уж если за границу удавалось попасть так, чтобы родное правительство тебе за это еще и приплачивало, то это вообще была мечта жизни. О таком приключении потом можно было рассказывать многие годы подряд, и слушатели бы не переводились.

Но мечтали многие, а сбывались мечты у единиц. Так что бабушка Ксюши, будучи разумной и рассудительной особой, предпочла верный кусок хлеба бухгалтера.

– А бабушка никогда мне про вас не рассказывала.

– Мы с ней не были подругами, – с достоинством объяснила Зинаида Никитична. – Тем не менее мы сохранили хорошие отношения даже спустя многие годы после окончания учебы. Так иногда бывает, близкие друзья ссорятся и расстаются, а всего лишь хорошие знакомые продолжают мирно общаться и спустя многие годы после окончания учебы. Поэтому ты для меня человек не чужой, я должна тебя предупредить: смотри, не ошибись, чью сторону тебе принять.

– Я уже все для себя решила!

– И к кому же ты примкнешь?

– Конечно, я останусь с Инной Карловной!

Глаза старушки блеснули за толстыми стеклами ее очков в старомодной пластмассовой оправе.

– Молодец! – растроганно произнесла старушка. – Молодец! Я в тебе даже не сомневалась.

И она тут же выпроводила Ксюшу, даже не дав той допить чай. Впрочем, о последнем девушка как раз ничуть не пожалела. Сахар Зинаида Никитична ей не предложила, то ли по забывчивости, то ли по какой-то другой причине. К чаю у нее были кексы сомнительной свежести, создавалось впечатление, что Зинаида Никитична предлагает их всем своим гостям последние лет десять. А сама заварка у старушки в чайничке была старой и совсем спитой, такой заваркой хорошо поливать бегонию и герань, но никак не поить ею дорогих гостей.

– Надо же... Бабушка и Зинаида Никитична подружки. И чего только не бывает в жизни!

Несколько удивляло Ксюшу то обстоятельство, что бабушка никогда не упоминала о такой своей приятельнице. И когда Ксюша рассказывала о своих планах на будущее, бабушка ни словом не обмолвилась о том, что в одном из музеев города работает ее старая знакомая. А оказывается, бабушка с Зинаидой Никитичной дружили. И конечно, главбух могла бы похлопотать за Ксюшу. Но этого не было. И невольно в душу Ксюши закралось сомнение. Так ли уж дружили эти двое?

Но спросить у бабушки было уже нельзя. Бабушка умерла этой зимой, ровнехонько двадцать пятого декабря, на католическое Рождество, а по православному календарю – в день памяти преподобного Спиридона Тримифунтского. Но Зинаиды Никитичны не было на похоронах. И с соболезнованиями она им не звонила. Правда, тогда Ксюша еще не была знакома со всеми сотрудниками музея. Может, Зинаида Никитична и звонила им домой, да Ксюша была слишком утомлена поминальными хлопотами и не слышала этого разговора.

А потом у них с мамой была долгая беготня, связанная с новыми заботами, со вступлением в наследство. Оно у бабушки оказалось неожиданно большим. Двухкомнатная квартира в кирпичном доме, хорошая, крепкая еще дача на Лемболовском озере, где вся семья с удовольствием проводила лето, и счета в пяти разных банках, в общем итоге сумма на них подбиралась к пяти миллионам.

– Откуда у бабушки столько денег? – поразились Ксюша.

– Плоды удачных вложений дедушки и экономности бабушки.

Поняв, что благодаря наследству голодать ей не придется, Ксюша сразу успокоилась. Даже если не удастся найти в ближайшее время работу, даже на одни проценты с этих вкладов она сможет безбедно прожить. А если уж начать тратить, тут и вообще жизнь может превратиться в праздник. Правда, вряд ли надолго. Деньги ведь тоже имеют свойство заканчиваться. Но в январе Ксюше неожиданно повезло. На очередном собеседовании ей в приеме на работу отказали, но зато дали телефонный номер музея, где ее кандидатурой могут заинтересоваться. Ксюша позвонила, приехала в музей и была принята на работу! Впору было подумать, что это бабушка, обожавшая Ксюшу, похлопотала там, наверху, у ангелов за свою внучку и пристроила не куда-нибудь, а как выясняется, под крылышко к своей старой приятельнице.

В это время Ксюша как раз дошла до своего рабочего кабинета, который она за неимением свободного пространства делила с еще двумя сотрудниками. Сейчас тут был лишь один Георгий – эксперт по технико-технологической экспертизе предметов. Вторая сотрудница – Кристина вышла по своим делам. Обоим им было уже за сорок, но они считались в музее совсем зелеными. И новенькую Ксюшу определили к ним, сочтя, что «молодежи» полезно быть вместе.

– Да, мы молоды телом и духом.

Особенно на этом настаивала Кристина, которой очень хотелось максимально продлить срок своей молодости. Георгий больше помалкивал. С ним у Ксюши складывались хорошие отношения, и она с огорчением наблюдала, как в последние дни Георгий – немолодой уже мужчина, с бородой и брюшком – увивается возле хлыща Вени.

Ксюша прошла к своему рабочему месту и достала документы, с которыми ей предстояло поработать. Внезапно она почувствовала, что рядом с ней кто-то стоит. И, подняв глаза, увидела нависшего над ней Георгия. В руках у него был портсигар, который он нервно крутил

в своих тонких пальцах. Портсигар, насколько могла видеть Ксюша, был дорогим, с блестящей гладкой поверхностью, украшенной тонкой чеканной насечкой.

Георгий вообще был любителем всего изысканного и дорогого. Каждое его появление в музее было своего рода маленьким шоу. Все сбегались смотреть, в чем сегодня заглянется на работу их Георгий и как он сегодня выглядит. Парикмахера он посещал не реже одного раза в неделю. От бороды, кажется, вообще не вылезал. И всегда от него пахло французскими духами. И всегда руки у него были безукоризненно ухожены. Да, держал себя Георгий с шиком.

Сейчас на нем были брюки из плотного шелка, какая-то потрясающе элегантная рубашка и жилет. Весь ансамбль довершал шейный платок, на котором красовался логотип известной фирмы. Смотреть на Георгия было приятно, хотя у Ксюши всегда невольно возникал вопрос: на какие такие средства он позволяет себе все эти красивые и дорогие обновки?

– Что тебе? – спросила у него Ксюша, поняв, что Георгий сам не уйдет.

– Не притворяйся, будто бы ты не понимаешь, что происходит у нас в музее.

И этот туда же!

– Ну, допустим, понимаю.

– Веня с Дюшей готовят смену власти.

– Вижу.

– Это не их прихоть, это пожелание сверху. Там хотят сделать наш музей современным, вдохнуть в него новую жизнь. И сделать это могут лишь молодые руководители, не обремененные замшелыми взглядами и этой привычкой цепляться за ушедшее прошлое. Так что это пожелание ОТТУДА. А они ТАМ в таких вещах разбираются.

Ксюше невольно стало смешно, как он выделяет голосом это «оттуда» и «там», и она спросила:

– Оттуда – это откуда?

– Оттуда!

И Георгий так выразительно закатил глаза к потолку, что впору было подумать, что пожелание исходит от самого Господа Бога. Но, конечно, пожелание могло исходить лишь от руководителя учреждения.

– Да, да, всем нашим ветеранам труда придется уйти! Главному бухгалтеру. Главному инженеру. Главному хранителю. Заведующим секторов. Всем руководителям! Может быть, кому-нибудь из специалистов разрешат остаться, если они проявят свою лояльность к новому курсу. Ну, и служащие – кассир и контролер, да зрители – эти тоже останутся.

– А гардеробщик с дворником?

– Ксения, не придуривайся. Не время шутить. Речь идет о твоём будущем. Ты хочешь остаться в музее?

– Сейчас – да.

Но в обновленном по вкусу Вени музее для нее места уже не будет. Это Ксюша знала твердо.

– Тогда подписывай!

И Георгий извлек откуда-то лист бумаги, густо испещренный подписями. Ксюша наклонилась, чтобы изучить его. Сколько же тут подписей! Почти все сотрудники поставили закорючки. Вот кучерявая подпись Гены – их художника-реставратора, вот быстрая и размашистая подпись специалиста по сохранности музейных предметов. Почти все специалисты подписались под текстом этого документа. Но что значилось в нем? И Ксюша принялась читать.

Она прочла всего несколько строчек и почувствовала, как кровь прихлынула к ее щекам. Как им не стыдно! Как они могли так легко и просто предать своих старших коллег! Какая напраслина! Какая ложь! Потом Ксюша почувствовала, что бледнеет. А затем ее снова кинуло в жар. Очень скоро она отодвинула документ в сторону и воззрилась на Георгия с таким негодованием, что даже он засмутился и закашлялся.

– Ну, что ты так на меня смотришь? Да, это петиция от всех нас – сотрудников музея, в которой мы излагаем свое мнение относительно старого руководства.

– И давно?

– Что?

– Давно у вас сложилось о нашем руководстве такое мнение, как о старых маразматиках и халтурщиках?

– Давно!

– С приходом Вени, надо полагать, это мнение выкристаллизовалось?

– Вениамин тут ни при чем!

– Ты сам предложил поговорить откровенно, а теперь лукавишь мне прямо в лицо.

– Хорошо, – вздохнул Георгий. – Да, с приходом Вени это мое мнение оформилось. Хотя я и раньше полагал, что музею нужны свежие силы. Что музею нужно новое руководство. Но как бы я один это все осуществил? А теперь у нас всех появился шанс изменить и свою жизнь, и жизнь музея к лучшему!

– И ты полагаешь, что я должна ЭТО подписать?

– У тебя просто нету другого выхода! Уход старой гвардии – это дело решенное. Решенное там, наверху! По большому счету, эта бумажка ничего не значит. Все уже решено и без нас.

– Зачем же тогда нужны эти подписи?

Ксюша чувствовала, что ее водят за нос. Нет, хуже, ее пытаются впутать во что-то очень грязное.

– Так ты подпишешь или нет?

Ксюша хотела решительно ответить ему «нет», но тут ей в голову пришла одна мысль, и она пробормотала:

– Подожди, дай мне сосредоточиться и подумать.

– Сколько?

– Полчаса... Час.

– Ну, думай, думай, – недовольно произнес Георгий. – Только не очень долго думай. Потому что, скажу тебе откровенно, Веня совсем не горел желанием брать тебя в нашу команду. Чем-то ты ему не приглянулась. Но я похлопочу за тебя. Может, он еще и передумает.

Ксюше стало горько. Значит, ей предлагают совершить предательство, даже не предложив за него достойной оплаты. Как полному ничтожеству! Мало того что они считают ее способной на предательство, что для всех них вовсе и не страшно, но самое неприятное, что они считают ее еще и полной дурочкой, которой даже и не пообещали ничего толком, а она уже готова встать в их ряды.

«Нипочем не подпишу это!»

Девушка уже подняла голову, чтобы крикнуть в лицо Георгия все, что она думает о нем и всей их шайке-лейке заговорщиков, но снова передумала. Та самая мысль, которая мелькнула у нее раньше, появилась и теперь – в уже более оформившемся виде. А вдруг Инна Карловна захочет взглянуть на эту клязу, состряпанную кем-то из ее коллег? Должна же она знать, как ей держать удар! А удар, судя по всему, готовился нешуточный.

И Ксюша решила для начала выяснить, насколько это возможно, планы заговорщиков:

– А как будет с Иваном Петровичем – нашим директором?

– Если согласен остаться при новом руководстве, пожалуйста, пусть остается. Он мужик полезный.

Ксюша оторопела:

– В смысле, при новом руководстве?

Иван Петрович и был директором их филиала.

– Он сам и есть наше руководство!

– Ивану Петровичу предстоит либо понижение в должности, либо он может уйти на пенсию.

– Мы в этом году отмечали его юбилей – шестьдесят пять лет!

– Вот именно. Он уже пенсионер и перерабатывает. Пора ему дать дорогу молодым. Сколько можно сидеть на своих местах, занимая их по привычке! Сколько выставочных пространств мы освоили в прошлом да и в этом году? Новых? Ни одного! А сам музей! Тут же детям не на что посмотреть! Ни в одном зале нет мультимедийного пространства!

– Если выделяют ресурсы, живенько состряпаем.

– Вот именно! А Веня знает, как добиться средств на все наши идеи! Через год ты не узнаешь наш музей!

И Ксюша почувствовала, как поневоле тоже загорается. Мультимедийный отдел или целый сектор – это была ее давняя заветная мечта. Подумать только, как выигрышно бы смотрелся на большом экране переход армии через Альпы! А как можно было бы обыграть трусливое поведение союзнической австрийской армии, равносильное предательству, оставившей наших голодных и измученных боями солдат без фуража, боеприпасов и даже провианта. Или вот русские войска попадают в окружение в Мутенской долине. Вот стоит фельдмаршал, голова его обнажена, волосы растрепаны, он уже стар и сед. За ним стоят офицеры, за ними воины. Все они выглядят растерянными. Но даже в таком отчаянном положении фельдмаршал не сдается. Пусть и с большим трудом, но он прорывает оцепление французов и уходит, спасая свои полки.

– А с приходом новой власти ресурсы выделяют на любые наши затеи!

Ксюша очнулась от своих размышлений. Георгий смотрел на нее, и в его глазах горел огонь.

– Представляешь, у нас будут средства на реализацию всех наших с тобой задумок, всех наших идей!

Да, заманчиво. А для этого всего-то и нужно было, что совершить одно предательство. Даже не предательство, а так... формальность. Коли уж все решено заранее. Вот сейчас взять и поставить одну-единственную малюсенькую подпись, даже не подпись, а так, закорючку, и девушка получала исполнение своей заветной мечты. Той самой мечты, которая в царствование Инны Карловны, скорей всего, так и останется нереализованной.

Ксюша даже не понимала, зачем им понадобилась ее подпись. Раз этот документ ничего не решает, могли бы сами за нее и расписаться. Сложного, честное слово, в этом ничего нету. Но Вене по какой-то причине нужно было согласие самой Ксюши. Для этого он и подослал к ней Георгия.

– Я еще разок прочитаю. Можешь мне не мешать?

– Хорошо. Я выйду, мне как раз нужно решить несколько вопросов. Вернусь минут через пятнадцать.

– К твоему возвращению все уже будет готово, – заверила его Ксюша.

И стоило Георгию выйти, как она тут же сделала снимок злополучного документа целиком. Потом отдельно сняла текст петиции, а затем подписи, постаравшись, чтобы все они попали в кадр. После чего с отвращением бросила гадкую бумагу обратно на стол Георгию, с трудом не поддавшись искушению порвать ее в мелкие клочки. Лишь понимание того, что это глупо, остановило Ксюшу от этого шага. Коли господа заговорщики так загорелись желанием избавиться от старой гвардии, они не остановятся, состряпают еще одну петицию, позабывшей прежней. В этой старой руководстве обвиняют всего лишь в замшелости и устаревших взглядах, а в следующей могут обвинить и в хищениях. А Инне Карловне только уголовного следствия на старости лет не хватало.

– Покажу ей прямо сейчас!

И, быстро схватив в руки гнусную бумагу, Ксюша метнулась к своей покровительнице. Но кабинет Инны Карловны вновь оказался на замке. Ксюша прикинула к дверям. Там кто-то был.

И этот кто-то был крайне разгневан. Ксюша буквально распласталась у замочной скважины, стремясь услышать, о чем идет разговор у тех двоих. Ситуация казалась девушке настолько отчаянной, что ей было плевать, даже если ее и застанут за этим делом. В конце концов, если сравнивать это с тем подленьким деянием, на которое отважились ее коллеги, то подслушивание чужих разговоров – это просто пустяк, детская шалость.

– Глеб, я тебе повторяю, выход есть только один!

– Я понимаю. Но я не хочу крови.

– А кто хочет? Может, я хочу? Но нам объявили войну. А на войне все средства хороши.

Нельзя колебаться. Вспомни слова фельдмаршала: «Вперед! Коли! Бей! Молодцы!»

– Но, Инна, дорогая, он же всего лишь мальчик.

– Он хитрая лживая тварь!

– Нельзя с ним так жестоко.

– Ого! – воскликнула Инна Карловна.

Ее голос донесся до Ксюши так отчетливо, что той даже показалось, что дверь и стена между ними куда-то исчезли.

– И давно ли ты стал таким жалостливым?

– Грех, Инна, – почти стонал Глеб Михайлович. – Не хочу грех брать на душу!

– Тебе и не придется ничего делать. Я все сделаю сама.

– Ты?!

– Я сама разберусь с этой мразью! И с его двуличным дружком тоже!

Глеб Михайлович больше не возражал. Он вообще ничего не говорил. А вот Инна Карловна заговорила. Но что именно, Ксюша понять не могла, слишком тихо звучал голос женщины. Тем не менее Ксюша услышала достаточно, чтобы даже вспотеть от волнения. Эти старички, оказывается, не такие уж беззащитные. Они еще способны показать зубы своему врагу. Похоже, взять власть в музее в свои руки Вене с Дюшей даже при поддержке всемогущего папы Вени из министерства будет непросто. Инна Карловна им еще покажет, где раки зимуют. Тут, в музее, она – власть.

Девушка покосилась на дверь кабинета и даже погладила ее рукой. А все-таки интересно, что именно эти двое затевают?

Поглощенная этими мыслями, она решила прогуляться по экспозиции. Почему-то вещи, принадлежавшие самому фельдмаршалу, его семье или близким ему людям, всегда умиротворяющим образом действовали на девушку. Как-то сразу все в ней успокаивалось. Еще не все так плохо, казалось Ксюше. Еще все устроится, если живут на свете люди, подобные героям этих залов, – честные, искренние, трудолюбивые, отчаянно храбрые и голову свою готовые положить за Отечество.

Ксюша обошла экспозицию, не найдя в ней ничего нового. Уже заканчивая обход, она невольно обратила внимание на высокого худого мужчину с бородкой клинышком, который внимательно разглядывал выложенные на витрине документы – письма отца Суворова и распоряжения управляющему помещьем. Ничего интересного в этих письмах не было, посетители редко задерживались именно перед этой витриной. Но этот с бородкой торчал перед ней, словно приклеенный. Ксюше даже невозможно было подойти к витрине, так раскорячился этот тип. Он стоял тут с того момента, как Ксюша появилась в зале. И уходить явно не собирался.

Девушка несколько сердито посмотрела на долговязого, но тому и горя было мало. Он ответил ей каким-то восторженным отсутствующим взглядом, словно бы нашел великое сокровище, за которым гонялся чуть ли не всю свою жизнь. Ксюша фыркнула. Она бы еще могла понять, зависни этот тип возле боевых знамен, орудий или возле орденов. Но документы?

И Ксюша двинулась дальше, лишь отметив про себя, что, будь этот бородатый типчик одет чуть менее затрапезно, на него еще можно было бы посмотреть. И вот странно, в руках у бородатого доходяги был дорогой диктофон, который он то подносил к своим губам, то опус-

кал. Но при этом брюки и рубашка у этого молодого человека были такими старомодными, словно бы он позаимствовал их у какого-то пенсионера. Неужели не может купить себе что-нибудь посolidнее, прежде чем являться в приличное место, где его могут увидеть? В таких штанах только на грядках с помидорами ковыряться. И Ксюша фыркнула еще раз.

Потом пошла дальше и задержалась уже возле портрета князя Потемкина-Таврического кисти художника Казановы – брата известного распутника и женского угодника. Постояла, полюбовалась, подумала, что Потемкину не мешало бы сбросить килограммчиков так десять-пятнадцать, а потом вновь двинулась в путь. Странный персонаж продолжал торчать все у той же витрины. Невероятно! Раньше никто не задерживался возле нее дольше чем на пару-тройку минут. А этот приклеился на целую четверть часа. И это столько его наблюдает сама Ксюша. Еще неизвестно, сколько времени этот тип провел у витрины до того!

Конечно, будь Ксюша посвободней, она с удовольствием бы провела такой эксперимент. Засекла бы время и посмотрела, как долго этот тип выдержит. Но ей было некогда. Неожиданно она вспомнила, что у нее вообще-то есть важное дело, которое она еще не сделала. Поэтому Ксюша ограничилась тем, что подошла к охраннику Василию Михайловичу и посоветовала ему внимательней приглядывать за этим тощим типом с бородкой.

– А чем он вас заинтересовал, Ксения Николаевна? Вроде бы приличный человек. Не пьяный. Ведет себя тихо. По мобильному не разговаривает, никому не мешает.

Ксюша замешкалась. В самом деле, чего она прицепилась к этому человеку? Что, ей больше заняться нечем?

Увы, к тому моменту, когда Ксюша вернулась к кабинету Инны Карловны, он был уже пуст. Да еще и Георгий застукал девушку как раз в тот момент, когда она заглядывала внутрь.

– Вот ты где! – воскликнул он. – Не думал я, что ты такая! – И, вырвав у Ксюши из рук петицию, он выкрикнул ей в лицо: – Доносчица!

И ушел. А Ксюша, утерев со лба и щек слюни, вылетевшие у возмущенного Георгия вместе с последним возгласом, сочла за лучшее закончить сегодняшний рабочий день самовольным уходом. Встречаться с Георгием ей как-то сегодня больше не хотелось. К тому же она не сомневалась, что он сейчас уже докладывает о ее поступке Вене, да еще небось краски сгущает, с него станется. Того и гляди, так накрутит Веню, что тот явится на разборку. А девушка еще не собралась с духом, чтобы разговаривать с этим предателем.

Но перед уходом она все же не удержалась и заглянула в зал. И что вы думаете? Тот самый тип с бородкой все еще торчал у той же самой витрины. Рядом с ним замер Василий Михайлович, который все же внял предостережениям Ксении и занял позицию поближе к подозрительному посетителю.

Глава 3

На следующее утро впервые за все время работы в музее Ксения с огромным трудом заставила себя отправиться на работу:

– Как на каторгу, честное слово.

Расстояние до музея неумолимо сокращалось, а ноги нести Ксению вперед положительно отказывались.

– Что же это такое? Как жить дальше? Увольняться?

Нет, увольняться тоже не хотелось. Ксении так нравилась ее работа! Впервые в жизни ей нравилось то, чем она занималась. И люди нравились. И место. Все было просто идеально до появления Вени. И по дороге Ксения позволила себе немного помечтать. Вот приедет она в музей, поднимется по лестнице, а противного мелкого пакостника в его пижонистом пиджачке нету! Вот нету, и все! И не будет! Как это было бы славно!

Ксюша так размечталась, что чуть было не проехала свою остановку. Спohватившись, она выскочила, на бегу отдавив ногу какому-то пожилому, грузному, восточного типа мужчине, который от боли и неожиданности зычно выругался. А Ксюша со страху и от неожиданности даже извиниться перед ним забыла. Выскочила из маршрутки и пулей понеслась к дверям служебного входа. Все еще находясь под впечатлением от случившегося с ней в транспорте конфуза и внутренне переживая за человека, которому испортила настроение, девушка быстро разделась и включила свой рабочий компьютер.

Так, что тут у нее в почтовом ящике? Ого! Целых пять писем, и все они от коллег из музея. Ксюша с изумлением обнаружила, что все сообщения пришли на почтовый ящик вчера вечером в промежутке между пятью и половиной шестого вечера. Видимо, в тот момент ее активно искали. Но Ксюша, струсив после ссоры с Георгием, предусмотрительно отключила свой сотовый. Да он и сейчас был у нее выключен. Понятно, что желающим пообщаться с ней не оставалось ничего другого, кроме как слать ей письма, которые она получила лишь сейчас.

– Ты где вчера была?

Ксюша вздрогнула, услышав голос у себя за спиной. Оказывается, это пришла Кристина, вторая сотрудница их группы. Кристина была из себя интересная женщина. Ей уже стукнуло сорок лет, но она изо всех сил старалась выглядеть на тридцать. В ходе этой тяжелой и неравной борьбы Кристина пускалась во все тяжкие. В итоге на службе Кристина появлялась нечасто. Сотрудник из нее был так себе. И Ксюша даже удивлялась, как это Кристину до сих пор не уволили.

Но поговаривали, что когда-то у Кристины был роман с Иваном Петровичем, который теперь опасается уволить Кристину из-за компрометирующих его перед законной женой фотографий, которые любовница у себя сохранила. Правда это была или выдумка, Ксюша сказать не бралась. Вообще-то могло быть правдой, потому что из себя Кристина была женщиной яркой и отличающейся какой-то особой броской красотой. Глаз невольно цеплялся за ее пышные волосы, алые губы и дерзкий горящий взгляд.

И все же с их директором Кристина всегда держалась подчеркнуто на расстоянии, никаких намеков на былую близость не делала. Но, возможно, это было частью их договоренности? Свободный график, премии и прочие льготы в обмен на молчание?

Но и помимо старенького Ивана Петровича, в любовниках недостатка у Кристины не было. Всегда возле нее крутился какой-нибудь богатенький толстосум, а иногда даже и несколько сразу. Но нынче все устремления Кристины были сосредоточены на том, как бы ей выйти замуж официально. Возраст у нее был для этого уже критический. А учитывая, что она вообще никогда не была замужем, просто катастрофический. Даже молодой девушке нелегко привыкать к замужней жизни. А уж взрослой и состоявшейся женщине, имеющей свои особые

привычки и пристрастия, и подавно. Да еще такие, как у Кристины. Вряд ли какой-нибудь муж одобрит, что она будет просаживать всю свою зарплату в бутиках и косметических салонах, дома готовить обед не станет, а предпочтет перекусывать в кафе. Сбежит мужик, как пить дать, сбежит. И никакая красота Кристины не поможет его удержать.

Но свое мнение Ксюша держала при себе, чтобы не накалять обстановку в их маленькой комнатке. И так между Кристиной и Георгием разве что молнии не летали. Какое-то время Кристина рассматривала Георгия в качестве потенциального жениха, а он взял да и остановил свой выбор на другой женщине. На взгляд Ксюши, сделал правильный выбор, любая женщина была бы лучшей женой, чем Кристина.

Кристина при всей ее броской красоте умела заботиться лишь об одной персоне – своей собственной. И, привыкнув быть на содержании у богатых мужчин, вряд ли смогла бы в угоду мужу отказаться от своих привычек. Зарплаты Георгия на это никогда бы не хватило. Удивительно, как ее вообще хватало на траты самого Георгия. И тут одно из двух: либо Георгию пришлось бы научиться зарабатывать большие и даже очень большие деньги и тратить их не на себя, а на жену, что было маловероятно, либо Кристине вновь пришлось бы завести любовника хотя бы для оплаты своих растущих с возрастом расходов на косметолога и прочее.

– Ты куда вчера вечером запропастилась? Мы все тебя обыскались.

– Плохо себя почувствовала. Ушла домой.

Ксюше и впрямь стало плохо после того, что ей довелось узнать.

– Было общее собрание, – сказала Кристина, подкрашивая перед зеркалом свои и без того пунцовые губы. – Иван Петрович от нас уходит.

И она поправила волосы. Вид у нее был боевой. И когда она повернулась к Ксюше, глаза у нее горели так сильно, что девушка даже испугалась: здорова ли Кристина?

– И знаешь, кого назначают на его место?

– Веню?

– Тебе уже кто-то сказал? – разочаровалась Кристина, но тут же продолжила: – Да, представь себе, именно Веню!

– Это... это уже окончательно?

– Ну, раз Иван Петрович сам вчера заявил о своей отставке и представил нам своего преемника. Конечно, окончательно. Приказ внизу вывесили. Все наши читают. Разве ты не видела?

Вот куда все подевались! А Ксюша еще недоумевала, почему ни на лестнице, ни в коридорах она никого не встретила. Все изучают приказ о назначении им нового директора. И директор этот Веня. А она вчера отвергла его предложение встать на его сторону. И не просто отвергла, а пыталась донести Инне Карловне. Ну все! Ксюше этого не простят. Ей пора писать заявление по собственному желанию.

– Также ходят слухи, что Веня задумал крупное увольнение. Тебе-то волноваться нечего, молодых вроде нас с тобой это не коснется. А вот всем нашим маститым и заслуженным придется паковать вещи. Да и то сказать, давно пора. Все они уже давно пенсионеры.

– И что? Если они хотят и могут работать? Это же не их личный выбор – уйти или не уйти. Их же вынудят уйти, я правильно понимаю?

Кристина взглянула на нее с недоумением:

– Ты-то чего так раскипятилась? Тебя-то это не коснется.

– А мне обидно! За Инну Карловну! За Глеба Михайловича!

– Ой, уморила!

Кристина закатила глаза и издала несколько презрительных «ха-ха!».

– Инна Карловна сама за себя постоять сможет. У нее столько наград и такая выслуга лет, что ей на пенсию только лучше будет. Она же еще блокадница. Знаешь, какие у них пенсии? О-го-го!

– А если она не хочет на пенсию? Если ей нравится работать?

Кристина пожала плечами.

– Мало ли что! Веня вчера четко сказал: всем пенсионного возраста сотрудникам не место в его обновленном музее. А знаешь, сколько у нас таких? Две трети! Они же сидят на своих местах, словно приклеенные. Я вижу, ты не одобряешь намерение нашего нового директора, а мы все одобрили!

– Ловко, – пробормотала Ксюша. – Пенсионеров вы и не спросите, их вроде как уже и нету. А те, кто помоложе, все единогласно за предложение нового директора. Разве это порядочно?

Но Кристина ее уже не слушала. Она звонила какой-то подружке, хвасталась продвижением по службе. Как поняла девушка, Кристине уже твердо было обещано повышение в должности. Итак, Кристина и Георгий определились со своей ценой предательства старших коллег. А что же Ксюша? У нее было два выхода: идти к Вене и падать перед ним ниц или пойти к Инне Карловне, выразить ей свое сочувствие и... видимо, вместе с ней написать заявление об уходе.

Кристина пошла к Инне Карловне. К ее удивлению, она застала женщину совершенно спокойной. Инна Карловна то ли тоже не была вчера на собрании, то ли за ночь успела свыкнуться с мыслью, что ей придется уйти. Она приветствовала Ксюшу с таким видом, словно бы ничего не случилось. Дала ей несколько распоряжений по службе, некоторые из которых касались долгосрочных перспектив.

И Ксюша рискнула заметить:

– Вряд ли новый директор разрешит продолжить нашу работу. У него столько новых идей, что все прежние он просто отметет.

– Это ты про Вениамина?

– Меня не было вчера на собрании, но говорят...

– Ксюша, послушай меня, еще ничего не решено.

– Но приказ...

– Приказ – это просто бумажка. Работу всегда исполняют живые люди. Иди к себе и работай.

Ксюша ушла. Но поработать ей не удалось. Возбужденные переменами коллеги сновали туда-сюда по кабинетам. Все ждали, что новый директор явит всем свой лик. Но он что-то задерживался. Иван Петрович тоже на работу сегодня не вышел. Потом узнали, что еще вчера вечером он попал в больницу с сердечным приступом.

– Состояние стабильное, но в музее он пока не появится.

– Надо бы его навестить!

Но на Ксюшу, предложившую это, все прочие уставились с таким недоумением, словно бы она сказала какую-то глупость. Впрочем, Ксюша находилась сейчас в окружении исключительно тех, кто примкнул к группировке Дюши и Вени. И Ксюша из них всех была единственной, кто выразил свое мнение по поводу ухода старого директора. Остальным словно бы и дела не было до Ивана Петровича. А ведь все они проработали с ним бок о бок многие годы, а некоторые и десятки лет. Но теперь никто о нем не жалел. И даже мысли о том, чтобы навестить его в больнице, ни у кого не возникло.

А старая гвардия, которой предстояло уйти вместе с бывшим директором и которая могла бы проявить сочувствие к нему, пока что из своих кабинетов не выглядывала.

Между тем нетерпение в рядах новых хозяев музея нарастало. Всем им не терпелось услышать очередное подтверждение своих чаяний, убедиться, что вчерашнее не было сном. И что всем им и впрямь светит хорошее повышение. И сделать это должен был Веня. Сегодня ему предстояло вступить в свои права, занять кабинет директора и отдать свои первые распоряжения.

Но Веня отчего-то мешкал. Кабинет директора стоял закрытый. И хотя охранник утверждал, что Веня появился в музее еще рано утром, и были те, кто клялся, что видел его и даже разговаривал с ним, на людях в официальном порядке молодой директор до сих пор не появлялся.

– Работает. Готовится. Новые приказы пишет.

И все с волнением ждали этих новых приказов до полудня. Но потом нетерпение сделалось слишком сильным, и люди стали роптать. К Вене уже несколько раз засылали гонцов, но те всякий раз возвращались с пустыми руками. Впрочем, хотя бы выяснилось, что Веня прочно оккупировал бывший кабинет Ивана Петровича. Засел там и не выходит.

В ответ на стук из кабинета всякий раз доносился раздраженный голос Вениамина:

– Я занят! Работаю!

И люди недоумевали:

– Ну что это такое?

– Сколько уже можно ждать!

– Понимаем, занят. Но выйди к людям. Ведь ждут!

Но Веня не выходил. И на звонки не отвечал. И что уж совсем странно, не пожелал он поговорить даже с Дюшей. И не один раз, а много раз подряд. Дюша и сам был озадачен не меньше остальных и в присутствии коллег звонил своему приятелю. Но по телефону Веня вообще не желал общаться. И постепенно триумф среди банды предателей уступил место тревоге.

Если весь день новый директор не желает общаться со своими сотрудниками, то что это может значить? Уж не поторопились ли они отдать свои голоса Вене?

В этот день все задержались в музее дольше обычного. Даже Кристина, которую обычно уже часа в четыре уносило куда-то, сегодня сидела на своем рабочем месте. Но Веня так и не соизволил отворить дверь.

– Что он кушает? Что пьет?

– Подумаешь! Небось бутербродов с собой притащил. Охрана говорит, у него с утра была с собой большая сумка. Там и еда, и термос с кофе может поместиться.

– А куда же он, пардон, в туалет ходит?

– Может, памперсы надел?

И это замечание показывало, что восхищение новым директором у народа заметно сократилось.

В семь часов все ставленники нового директора во главе с Дюшей собрались и в последний раз подошли к дверям Вени.

– Мы уходим, – сдержанно сообщили они. – Всего доброго.

– Я занят! Работаю!

Ксюша сегодня была дежурной. Ей предстояло уйти только в десять. В половине десятого она пошла вымыть посуду, оставшуюся после ее последнего перекуса.

И, проходя мимо кабинета директора, внезапно услышала:

– Я занят! Работаю!

Ксюша чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности. А потом выругалась шепотом. Вот зараза!

– Да и работай себе, пожалуйста! Кто же тебя трогает!

Ксюша и не думала стучаться к директору или как-то иначе его тревожить. Напротив, девушка приложила все свои усилия, чтобы прошмыгнуть мимо его дверей, как мышка. И все же Веня ее слышал.

Она вымыла посуду и, уже возвращаясь, случайно звякнула ложкой и тут же вновь услышала:

– Я занят! Работаю!

Вот заладил как попугай! Ксюша ускорила шаги, опасаясь, как бы этот ненормальный не выскочил и не завопил ей вслед, что он работает, а она ему мешает, ходит тут взад-вперед, чашками-ложками звякает. Но никто из кабинета не выскочил и на Ксюшу не закричал. Она ушла домой с ощущением, что первый рабочий день с Веней в статусе директора прошел более чем сносно.

Однако уже рано утром Ксюшу поджидал сюрприз. Еще до звонка будильника ее разбудил чей-то телефонный звонок. Номер был незнакомый. И Ксюша, решив, что ошиблись номером, отвечать не стала. Но номер звонил и звонил. Оказалось, что это названивает ей Дюша. Вот уж неожиданность! И что же ему нужно?

– Ты вчера последней уходила из музея?

– Я была на дежурстве.

– Веню видела?

– Слышала. Он сказал, что занят.

– И все?

– Да.

Голос у Дюши звучал крайне озабоченно. И Ксюша решила спросить, что случилось.

– Понимаешь, ночная смена охраны говорит, что Веня вчера вечером из здания музея не выходил.

– Всю ночь работал?

Владимир Ильич Ленин в своем шалаше и тот отдыхал!

– Нет, утром Веня тоже не выходил.

– Он что, по-прежнему работает?

– Ночью к нему дважды подходили охранники, и всякий раз он им отвечал одно и то же.

– Что занят и работает?

– Да! И мне это уж как-то совсем подозрительно! Веня и вчера повел себя странно, когда не захотел выйти к нам. Но провести сутки взаперти, работая? Это уж слишком!

– И что ты предлагаешь?

Дюша ей не ответил. Но Ксюша и сама понимала, что если Веня не откроет дверь кабинета сам, ее придется ломать. Не желая пропустить такое зрелище, девушка быстро оделась, впопыхах выпила чашку кофе и, даже не став дожидаться, пока мама доварит для нее полезную и вкусную пшеничную кашу, умчалась на работу. Ксюша думала, что придет первой, максимум там будет Дюша, но в музее оказалось уже полным-полно народу. Наверху слышались удары. Это вскрывали дверь в кабинет директора.

– Хотят успеть до открытия музея.

Дверь была старой, добротной сделанной, она изо всех сил сопротивлялась усилиям людей. Щепки летели во все стороны. Стены сотрясались от ударов.

А из кабинета Вени все так же доносился его раздраженный голос:

– Я занят! Работаю!

И в этом было что-то жуткое и неестественное. Дюша несколько раз просил всех сотрудников разойтись, но так как главного среди них теперь не было, то никто не спешил выполнять его указания. Старая гвардия не появлялась, хотя всем было ясно, что в кабинете директора произошла какая-то драма. Наконец дверь сдалась.

– Готово!

В открывшийся проем кинулись сразу несколько человек. Георгий и Дюша оказались самыми проворными или самыми заинтересованными.

За ними сунулась Кристина, которая и издала тот самый громкий вопль, разнесшийся на весь музей:

– А-а-а-а!.. Помогите!

Теперь уже всем не терпелось взглянуть, что там. Даже представители старой гвардии выглянули из своих кабинетов, желая узнать, что за крики. Ксюшу совсем затерли назад, но она сгруппировалась, изловчилась и вдоль стеночки протиснулась поближе к кабинету. Она чувствовала, как шероховатости, оставшиеся от малярной кисти, оставляют зацепки на ее блузке. Но что такое вискоза по сравнению с любопытством, которое обуревало Ксюшу! Ей до смерти хотелось узнать, что это за «А-а-а-а!» такое и кому тут надо помогать.

Она пролезла у кого-то под локтем, сунула голову в кабинет, огляделась и увидела то, что сразу же заставило ее пожалеть о том, что она вообще сюда прорвалась. В кресле сидел Веня. И он был мертв. Мгновенная смерть застала его в тот момент, когда он что-то печатал на компьютере. Руки еще лежали на клавиатуре. Возможно, несчастный даже не успел осознать, что умирает, на его лице застыло выражение легкого удивления и брезгливости. Казалось, он вопрошает у всех: как такое могло случиться со мной?

– Я занят! Работаю!

Ксюша подпрыгнула на месте. Взгляд ее заметался по комнате. Веня мертв. Вокруг все залито его кровью. А голос его звучит. Где же источник этого звука?

– Это диктофон, – услышала Ксюша. – Кто-то записал эту фразу и поставил запись на таймер. Каждые пять минут она будет звучать, пока не сядет аккумулятор.

– Выключи это.

– Нельзя. Нельзя ничего тут трогать. И вообще... Всем надо выйти отсюда! Тут повсюду могут быть следы преступника.

Охрана вспомнила о своих прямых обязанностях и начала теснить толпу сотрудников к выходу из кабинета. Но люди не торопились уходить. И двоим охранникам было с такой массой народа никак не справиться.

– Что... что с ним случилось?

– Башку рассекли.

– Как?

– Саблей.

Ксюша вздрогнула. Чего-чего, а сабель у них в музее хватало. Излюбленное оружие казаков, каждый из которых был счастлив преподнести именно свой клинок в дар фельдмаршалу. Теперь все они хранились в музее. Частично были выставлены в экспозиционных залах, частично находились в фондах, а частично имелись в распоряжении сотрудников, которым были нужны для того или иного научного исследования. Но основной Вениной специальностью была фалеристика – наука об отличительных воинских знаках, наградах и орденах. Холодное оружие – колющее и рубящее – было не в его компетенции.

– Откуда тут взялась эта сабля? Кто ее принес?

Но охранникам все же удалось воззвать к сознательности сотрудников и выдворить большую их часть за пределы директорского кабинета. В числе оных была и Ксюша, которая даже не сопротивлялась этому выдворению. Ей совсем там не понравилось. Пахло очень нехорошо, да и в целом обстановочка была не из приятных. Ноги у Ксюши подгибались, и она с благодарностью уцепилась за предложенный ей кем-то локоть. Так они и дошли до кабинета Инны Карловны.

– Воды! Пить!

От пережитого волнения и страха у Ксюши совсем пересохло в горле. Язык сделался шершавым, словно мочалка. У Инны Карловны уже собралось порядочно народу, всем не терпелось обсудить случившееся. Ксюшу заботливо усадили на диван, и постепенно она стала приходить в себя, отпивая по глоточку из какого-то диковинного сосуда с длинным горлышком, оказавшегося у нее каким-то образом в руках. А очнувшись окончательно, девушка, к своему стыду, обнаружила, что выпила почти литр воды из стоящей на подоконнике лейки.

Из этой лейки Инна Карловна поливала свой любимый фикус, который вымахал у нее почти до трех метров. Девушка поспешно поставила лейку на место и обвела взглядом вокруг себя. Но похоже, никто не заметил ее промаха. Все были в таких же растрепанных чувствах, как и Ксюша, или даже еще хуже. Кто-то держался за сердце, кто-то глотал таблетки, кто-то звонил то ли в полицию, то ли знакомым, то ли знакомым в полицию.

В голове у Ксюши царил форменный бардак. Но одно она понимала точно. Кто принес в кабинет директора саблю, тот и убил Веню.

– Холодное оружие не имело никакого отношения к предмету исследования Вени, – услышала она чей-то голос. – Значит, убийца принес оружие с собой. Принес, убил Веню и ушел. А саблю оставил.

– Ты видел эту саблю? Турецкая.

– Кто у нас ответственный за фонды, посвященные русско-турецкому периоду фельдмаршала?

– Гена.

– Пусть проверит, что у него там с саблями.

– С саблей разберемся, мне кажется, она из наших кладовых.

– И тут возникает другой вопрос: как убийце удалось покинуть кабинет директора? Веня-то к этому времени, если рассуждать логически, был уже мертв.

– Мертвый встать и закрыть за гостем дверь он точно не мог.

– А каким-то образом дверь была закрыта изнутри. Сегодня мы пытались подобрать ключ и открыть ее из коридора, но ничего не получилось. Кто-то запер ее изнутри.

И Ксюша задумалась над новой загадкой. Как же испарился злодей? Через окно убийца выбраться точно не мог, поскольку окно в кабинете было большим, красивым, оно было выполнено в витражном стиле, и, когда на разноцветные витражи попадали лучи солнца, в кабинете все сияло и искрилось. Но при этих замечательных качествах окно обладало одним дефектом – оно не открывалось. И оттого в кабинете Ивана Петровича в теплые дни было душновато. Но реконструировать окно в историческом памятнике никто не решился. Выход нашелся в установке кондиционера, который охлаждал воздух в помещении. Итак, окно исключалось. Пол и потолок также исключались.

Пока Ксюша думала, она невольно отметила, что сейчас в кабинете у Инны Карловны собралась не только старая гвардия. Тут были очень многие из тех, кто еще вчера затевал переворот в музее. Похоже, смерть Вени внесла разброд в ряды бунтовщиков. И самые ушлые решили снова перемертнуть назад. Например, Дюша был уже тут как тут, крутился возле Инны Карловны.

– Но ведь если судить по плану помещений, то в кабинете директора есть еще одна дверь? – спросил он.

– Есть. Она ведет прямо на лестницу.

Ксюша удивилась. Она бывала у Ивана Петровича в кабинете несколько раз, но никогда не видела там еще одной двери.

– Дверь закрыта монументальным полотном сражения на реке Рымник.

– Снова османы! – воскликнул Михаил, ответственный за передвижные выставки музея. – Сабля-то османская. И битва при Рымнике произошла во время Русско-турецкой войны тысяча семьсот восемьдесят седьмого – девяносто первого годов. А именно – одиннадцатого сентября тысяча семьсот восемьдесят девятого года по старому и двадцать второго сентября по новому стилю.

– Благодарим вас, Михаил, за то, что вы освежили эти даты в нашей памяти, – произнесла Инна Карловна язвительно. – От себя скажу, что художник этой картины неизвестен. Полотно, на котором изображена битва между соединенными русско-австрийскими силами и силами Османской империи, сильно повреждено водой и временем. Оно нуждается в реставрации. Но

при этом художественная его ценность незначительна, поэтому художественный фонд выделять деньги на реставрацию не торопился. Тем не менее картина имеет прямое отношение к событиям жизни фельдмаршала. И поэтому Иван Петрович распорядился пока что поместить полотно в своем кабинете в надежде на то, что кто-нибудь из меценатов увидит его и выделит деньги на реставрацию. Было это то ли десять, то ли пятнадцать лет тому назад. Щедрый меценат так и не нашелся, а полотно до сих пор стоит там, где его и поставили, вследствие его монументальности найти для него помещение и транспортировать его туда было затруднительно.

– И оно закрывает собой дверь!

Михаил сбегал и вернулся с новостями:

– Сама дверь открыта! Через нее из кабинета директора можно сразу попасть на лестницу.

– Через ту дверь и скрылся убийца.

Инна Карловна кивнула:

– Полагаю, что именно так он и поступил. Другого выхода из кабинета Ивана Петровича, насколько мне известно, нету.

– Значит, его там и впрямь нету, – торопливо воскликнул Дюша, подобострастно заглядывающий начальнице в глаза. – Чтобы вы, Инна Карловна, да что-нибудь не знали у нас в музее, быть того не может! Глеб Михайлович, а что вы думаете по поводу убийства? Вы же у нас замечательный логик, если кому и под силу раскрыть преступление, то это лишь вам!

На губах у Инны Карловны появилась снисходительная улыбка. Она все знала, все понимала, и сейчас было ее время. Смерть Вени начисто спутала все карты вчерашних заговорщиков. Не будет у них нового директора. А если и будет, то совсем не тот, на которого они сделали ставку. И совсем необязательно, что новый директор захочет проводить замену старой гвардии. Очень может статься, что уйти придется как раз тем, кто помоложе, кто не сделал серьезной научной карьеры и кто не имеет таких заслуг перед музеем.

Неожиданно Ксюшу кинуло в жар. Она прямо вспотела, потому что внезапно подумала о тех людях, кому могла быть выгодна смерть Вени. А кому она была выгодна? А выгодна она была в первую очередь Инне Карловне и ее сторонникам. То есть тем старичкам, от кого новый директор так откровенно хотел избавиться. И значит, кто-то из них мог завладеть турецкой саблей, пройти незаметно в кабинет директора и стукнуть сабелькой прямо по крашеной Вениной головке. Много ли ему надо было? Маленький он был, да и хилый. Не было силы ни в его руках, ни в теле. С таким заморышем любой справится, даже старик или... даже старушка.

И от этой мысли во рту у Ксюши снова пересохло, и руки у нее сами собой потянулись к заветной лейке. И чем это таким вкусным поливает свой фикус Инна Карловна? Прямо не оторваться.

Глава 4

Полиция на место преступления прибыла к тому времени, когда музей уже открылся для посетителей. Инна Карловна распорядилась, чтобы все службы работали в своем обычном режиме. Таким образом, кассы продавали билеты. И по залам поодиночке или организованными группами бродили люди.

– Убийство не может являться проблемой для работы музея. Преступление совершено в служебных помещениях. Полиция пройдет наверх также по служебной лестнице. А к тому времени, когда понадобится вынести тело, мы что-нибудь придумаем, чтобы не пугать народ.

Прибывший дознаватель размышлял недолго.

– Убийство! – тут же вынес он свой вердикт. – У вас в музее произошло убийство! И как это случилось?

– Это вы нам скажите! Затем вас и вызвали!

– Удар нанесен холодным оружием и с огромной силой. Затылочные кости черепа рассечены. Также удар пришелся на заднюю часть шеи. Похоже на то, что одним этим ударом ему собирались начисто снести голову.

Услышав это, Ксюша тут же сняла все подозрения с Инны Карловны и Глеба Михайловича. Девушке стало даже как-то неловко. Поторопилась она обвинить старичков в убийстве Вени. А того не подумала, что не под силу им уже такими тяжелыми саблями махать.

Но тут помощник дознавателя произнес:

– Есть один момент, который непонятен. Сабля внушительных размеров, да еще кривая. Спрятать под одеждой ее невозможно. Значит, принесший ее человек сознательно шел на риск, что саблю у него заметят и впоследствии обвинят в убийстве именно его.

– Да, много тут есть непонятого. Но будем разбираться. В первую очередь скажите, у кого из сотрудников музея был мотив? Кто из коллег мог желать зла жертве?

– А мне кажется, – снова вмешался помощник, – что искать надо не в музее, а где-то еще!

– Почему? Все указывает на то, что убийство совершено кем-то, кто хорошо ориентируется в музее, его сотрудником!

– Вот именно. Все указывает на кого-то из сотрудников, значит, искать убийцу надо вне стен музея. Он специально запутывал следы, чтобы мы начали искать среди сотрудников, в то время как настоящий убийца получит фору и скроется.

Это заявление помощника дознавателя очень понравилось всем, кто его слышал. Просто бальзам на душу. Убийца где-то там, далеко за стенами музея. Единственным, кто был недоумен, оказался сам дознаватель.

– Разговорился тут! – буркнул он сердито. – Умный стал! Выучили тебя на свою голову! Но ничего, следователь приедет, он тебя мигом окоротит.

Следователь приехал, но не один, а вместе со следственной бригадой. Были тут и фотограф, и эксперт, и еще куча непонятных людей, которые начали рыскать по музею в поисках улики. Что это были за улики, сказать не брался никто. А потому предположения строились самые невероятные. Говорили, что вчера утром, когда Веня был еще предположительно жив, к нему пришел некий посетитель. Незнакомец был высок и худошав, но он был мужчиной, и мужчиной молодым, а стало быть, имел в руках достаточно сил, чтобы при желании прикончить Веню.

Но какой у него был для этого мотив? И где искать этого высокого худого незнакомца?

– И снова возвращаемся к исходному, где чужак взял саблю?

Впрочем, с саблей разобрались неожиданно быстро. Оказалось, что ее в кабинет директора никто не приносил. Она находилась там изначально. И принес ее туда не кто иной, как сам Иван Петрович, намеревавшийся использовать ее описание для своей научной работы. Дирек-

тор обладал одной особенностью, о которой все вокруг знали. Ученая мысль то приходила к Ивану Петровичу, то удалялась, то возвращалась вновь. Обычно получалось, что посетившее Ивана Петровича яркое озарение оказывалось недолгим. И он откладывал задуманное до той поры, когда дельная мысль, образумившись, вернется к нему вновь.

Так получилось и с турецкой саблей. Пока Иван Петрович добывал ее из фондов, прошло несколько дней. Вдохновение его за это время угасло. Но возвращать саблю назад ученый не стал, рассчитывая, что через недельку-другую, когда он все хорошенько обдумает, вдохновение вновь вернется и он сможет дописать нужный ему отрывок, во всем блеске и великолепии использовав описание этой сабли.

Следователя такое отношение возмутило до крайности:

– Это что же получается, холодное оружие у вас просто по полкам валяется? Без всякого присмотра?

– Ах, да бросьте вы! – презрительно отмахнулась от его нападок Инна Карловна. – При желании убить можно и обычным кухонным ножом. Просто тут преступнику под руку подвернулась сабля. Если бы Иван Петрович забыл в шкафу кухонный нож, вы бы не стали его за этот поступок критиковать?

– Кухонный нож – это одно, а боевая, извините, сабля – это совсем другое. На ней кровь многих людей, может быть, она забрала десятки или даже сотни живых душ. Она так и жаждет испить новой крови.

– Да вы романтик, как я погляжу.

Но следователь на лесть не поддался:

– И вы оставляете такой опасный предмет без присмотра? Безобразие! Я буду вынужден возбудить еще одно уголовное дело о халатности!

Следователя удалось умиротворить с помощью заваренного специально для него кофе и длинного рассказа о научных заслугах Ивана Петровича, виновного в появлении сабли в своем кабинете.

Тем не менее заведомое присутствие орудия убийства непосредственно на месте преступления здорово затрудняло следствие. Теперь получалось, что убийца мог совершенно незаметно заскочить в кабинет Вени, прикончить его и уйти незамеченным. А за утро в кабинете побывало немало народу. И сейчас следствию предстояло выяснить, кто был тот последний, после ухода которого Веня плотно затворился и на все попытки его выудить отвечал уже записанным на диктофон голосом.

Сам диктофон также привлек к себе внимание следователя. Кроме отпечатков пальцев последнего, кто держал диктофон в руках, следователь пожелал узнать и другие детали, касающиеся этой вещицы:

– Попытайтесь выяснить, кем, когда и где был приобретен этот диктофон.

Получивший такое задание оперативник заметно скис. Если проверять все салоны, торгующие такого рода техникой, включая интернет-магазины, то можно потратить на это всю свою жизнь, а концов так и не найти.

Сотрудников музея попросили опознать диктофон.

– Это заметно помогло бы в нашем расследовании.

Но никто не признался в том, что знает владельца диктофона. Сама Ксюша, когда очередь дошла до нее, очень внимательно оглядела диктофон. И что-то шевельнулось в ее памяти. Где-то она видела похожее устройство. В руках у кого-то из посетителей. Но у кого?

– Я видела такой в зале.

– Вы уверены? Другие сотрудники сказали, что всем желающим прослушать аудиоэкскурсию выдаются устройства аналогичного вида, но все же несколько иные.

Ксюша кивнула. Да, на кассе музея можно было приобрести так называемый аудиогид, тоже диктофон с записанной на него экскурсией. Но там были простенькие черные коробочки,

без электронного табло и множества кнопочек. Собственно, кнопок на аудиогиде было всего две. Пуск, он же стоп, и перемотка. Никаких наворотов. Все просто и функционально, чтобы любой, кто пожелал бы послушать экскурсию, смог бы обращаться с аудиогидом без всяких проблем.

А это устройство было куда сложнее. Например, так с ходу сама Ксюша бы нипочем не разобралась, что тут нажимать, чтобы сделать запись. И все же она была уверена, что видела это устройство именно у кого-то из посетителей.

Она долго морщила лоб, стараясь вспомнить, а потом воскликнула:

– Да это же было у него!

– У кого?

– У того подозрительного типа с бородкой, который крутился в музее накануне дня убийства.

– Вы можете его описать? Вы хорошо его разглядели?

– И не я одна! Позовите Василия Михайловича – нашего охранника, он тоже его видел!

Василий Михайлович подтвердил:

– Да, Ксения Николаевна первой обратила внимание на этого человека. Уж чем он казался ей подозрительным, не знаю. С виду так совсем приличный мужчина. Одет скромно, но по виду интеллигентный человек. Но что долго перед каждой витриной стоял, это правда. Я и то уж под конец стал его подозревать невесть в чем. Рядом встал, постоял, послушал...

– Послушали? Он что-то говорил?

– Бормотал. Поднесет диктофон ко рту и бормочет. Я уж его спросил, что это вы делаете? Тогда он мне объяснил, что интересуется жизнью фельдмаршала. И на диктофон записывает все, что видит перед собой на витринах. Я послушал, действительно описывал, что видел. И не просто, а с подробностями. Я и то, сколько работаю, наслушался уж наших гидов, а и половины того, что этот человек говорил, не знал.

– Ну, а диктофон у него был этот? Или какой-нибудь другой?

– К диктофону я не присматривался. Но вроде похож.

После этого внимание следствия к бородатому подозреваемому еще больше усилилось. К тому же, сопоставив описание худощавого мужчины, который утром в день убийства побывал в кабинете Вени, и описание странного посетителя из зала, накануне так долго бродившего по музею, полицейские пришли к неожиданному выводу, что это был один и тот же человек. Василия Михайловича и охранника, дежурившего утром в день убийства у входа, тут же отправили в отделение, выискивать на записях с камер видеонаблюдения самый выигрышный кадр, на котором был бы запечатлен подозрительный тип с бородкой.

Но Ксению внезапно охватили сомнения:

– Если человек явился в музей, замышляя убийство, то он мог предполагать, что видеокамеры зафиксируют его внешность.

– И что? – удивилась Кристина.

– Мог бы как-нибудь загримироваться. Парик там, очки, усы, бороду.

– Ты говоришь, что борода у него и так была.

– Что там та борода! Клинышком! Как у Луначарского. Такая бородка никак не поможет скрыть свою внешность.

Но Кристина считала, что Ксюша слишком забивает себе голову вещами, которые ее не касаются.

– Тебя в этом убийстве подозревают? Нет. Меня тоже нет. Ну, и занимаемся спокойно своими делами.

В том-то и дело, что Ксюша не могла спокойно ни работать, ни даже просто усидеть на месте. Ей словно бы в пятую точку воткнули шило. Стоило присесть, как тут же подмывало

снова встать и куда-то бежать, что-то делать, как-то это дело расследовать. Особенно это чувство усилилось после возвращения обоих охранников из полиции.

– Портрет подозреваемого у нас есть. Засветился голубчик на многих кадрах. Считайте, что он уже пойман. Сейчас в программу его внешность внесут, мигом вычислят, кто он такой, где живет и чем занимается. Не прежние времена, когда можно было спрятаться.

– А если он залег на дно? Уехал или на квартире приятеля спрятался?

– Если уехал, все равно найдут. Если спрятался, то и тогда... Всю жизнь взаперти не просидишь. Есть и пить что-то надо. Выйдет.

А вот Ксении казалось, что зря она навела подозрения на этого человека. Мало ли, что диктофон похож. Может, это еще ничего и не значит. А полиция уже вон как на беднягу стойку сделала.

– Зачем ему было убивать Веню?

– Мало ли, о чем у них там разговор зашел. Мы же не знаем, что это за человек такой был.

Но, к удивлению многих, это выяснилось очень скоро. Отпечатки пальцев этого человека имелись на диктофоне в большом количестве. Также они были и в базе данных полиции. Услышав это, Ксюша огорчилась. Все-таки тип с бородкой оказался преступником. Хотя, возможно, с ним еще не все кончено? Если человек интересуется историей, ходит по музеям, может, у него еще есть шанс на исправление? Прекрасное, говорят психологи, врачует душу. Так, глядишь, и этот с бородкой приобщится к деяниям великих людей, проникнется их духом, а там и сам человеком станет.

– Почему сразу преступник? – удивился Георгий.

– Так ведь отпечатки...

И когда Ксюша поделилась с ним своими соображениями, объяснил:

– Мне оперативник сказал, что отпечатки были у них в базе данных просто потому, что этот Нарышкин сам их захотел там поместить.

– Как это?

И Георгий ей объяснил, что любой желающий гражданин может оставить свои отпечатки в базе данных. Ну, просто на всякий случай.

Но Ксюша по-прежнему недоумевала:

– Зачем это?

– Ну, предположим, упадешь на улице, потеряешь память, никто не будет знать, кто ты такой. А так пробьют тебя по базе и вернут твоим родным и близким.

Ксюше такой способ показался необычным. Что это за близкие такие, которые, потеряв родственника, не бегают по моргам и больницам, не ищут его, а спокойно себе дожидаются, когда им вернут его по отпечаткам пальцев. Ксюша даже представила, как между родственниками и врачами завязалась маленькая свара. Первые не хотели забирать потерявшего память мужчину с бородкой, но врачи совали им под нос лист с его отпечатками пальцев, и вид у них был торжествующий. Мол, не отопретесь теперь, голубчики. Забирайте, нам чужого не надо.

Хотя, с другой стороны, страна у нас большая, городов в ней много. И не факт, что тип с бородкой потеряется именно в своем городе. А вдруг в чужом? А если он вообще путешественник? Земля, она огромная. Если человек часто путешествует по всему миру, пожалуй, замучаешься его разыскивать, если где запропаستится. Тут и отпечатки пальцев сгодятся.

Внезапно Ксюша с немалой долей досады поняла, что все ее мысли крутятся вокруг типа с бородкой. И дался же он ей! Тогда в зале она никак не могла заставить себя от него отлипнуть. Теперь в голову только он один и лезет. Что за напасть такая? Пора с этим делом завязывать!

И стоило Ксюше так решить, как она внезапно услышала:

– И как же его имя?

Это она спросила? Ну да, голос вроде бы ее. Но она же твердо решила больше не интересоваться этим типом. И вот на тебе! Снова спросила! Прямо беда какая-то.

– Петр Нарышкин его зовут.

Имя Ксюше понравилось. Петр – хорошее имя. А Нарышкин и вовсе фамилия знаменитая. Повезло же кому-то родиться с такой фамилией. Вот Ксюша, к примеру, с удовольствием носила бы эту фамилию. И, поймав себя на том, что мысленно она уже представляет свой паспорт с новой фамилией, Ксюша даже сплюнула.

– Ты чего? – удивился Георгий.

– Так этот тип достал! И откуда он на нашу голову свалился?

– Пока не знаем.

– Но ты думаешь, он может быть причастен к убийству?

– Соблазнительно было бы так думать. Кто-то посторонний проник в наш мирок, и бац! Прикончил нашего директора. Но все это выглядит очень уж чересчур.

– Почему, если найдется мотив...

– Мотив найдется скорее у наших старичков. Вот кто мечтал избавиться от Вени! Он всех их страшно нервировал. А уж после того, как из министерства пришел приказ о его назначении на должность директора... Ты бы это видела! На них и вовсе лица не было!

– Ты его видел?

– Кого?

– Приказ.

– Ну... слухи о том, что Ивана Петровича должны заменить на кого-то молодого, давно уже ходили. Вот только имени не называли.

– А что в приказе стояло имя Вени?

– Честно, не знаю, что там стояло. Приказ нам зачитала Инна Карловна.

Вот как? Честно говоря, Ксюша была уверена, что Веня сам озвучил на собрании свою новую роль в коллективе музея. Девушке почему-то казалось, что и собрание было инициировано самим Веней и группой его сотрудников. А теперь выясняется, что Инна Карловна лично зачитывала приказ.

– Иван Петрович тоже был на собрании?

– Да. И он подтвердил, что уходит на другую работу. Менее нервную, так он выразился. Ты же помнишь, он последние два года из больниц не вылезает. Врачи велели ему подобрать себе что-нибудь с меньшей нагрузкой. Так что о том, что у нас будет новый директор, мы знали уже давно. Просто не знали, что им окажется именно Веня. И вряд ли его кандидатура устраивала всех сотрудников.

В обеденный перерыв Ксюша ушла из музея. Она чувствовала, что ей просто необходимо прогуляться и проветриться. Все эти жуткие утренние события совершенно выбили ее из колеи. В таком состоянии работать она просто не могла. В голове крутились весьма далекие от ее профессиональных обязанностей мысли. Надо было срочно их чем-то заесть. Чем-то жирным, сладким и страшно калорийным, чтобы вся кровь прилила к желудку и мозг просто не смог бы дальше думать не о том, о чем нужно.

Оказавшись в своем любимом маленьком кафе, находящемся совсем близко от музея, всего-то и нужно было, что перейти через дорогу, Ксюша взяла себе чашечку кофе и булочку со взбитыми сливками, густо посыпанную сверху сахарной пудрой. Обычно девушка избегала всяких таких жирностей для поддержания стройности фигуры. Но сегодня Ксюше было не до изгибов талии. Весь ее организм требовал сладкого, а мозг так тот просто взрывался, так ему хотелось закинуться сладеньким.

– Один раз можно, – утешила саму себя Ксюша, насыпая в крохотную чашечку один пакетик сахара за другим.

Выпила она свою порцию до обидного быстро. Что за наперстки такие! Раз – и в чашке снова пусто! Ксюша с недоумением повертела чашечку в руках. И, поняв, что не удовлетворена, заказала себе еще латте. Тут порция была уже побольше, растянуть ее можно было на

весь обеденный перерыв. Щедро насыпав на белую шапочку корицы, Ксюша вернулась к столу и взялась за пирожное. Отлично! Лучше не придумаешь. Сливки были нежными, корочка хрустящей. Казалось бы, жизнь должна наладиться, но почему-то на душе у Ксюши лучше не становилось. Сто раз испытанное средство сегодня не помогало. И почему бы это?

Поедая сливки, Ксюша смотрела в окно. Это был ее любимый столик, и при возможности девушка всегда занимала именно его. Прелесть этого столика заключалась в том, что он стоял у самого окна, из которого открывался вид на всю улицу. И даже кусочек стены музея был виден. И ведь накануне убийства Ксюша тоже зашла сюда. Забежала после работы, чтобы перехватить чего-нибудь вкусненького и тем утешиться. В тот вечер она была крайне огорчена поведением своего коллектива.

Она так сдружилась с этими людьми, можно сказать, сроднилась с ними. Они казались ей самыми лучшими, самыми умными, знающими и замечательными. И понимание того, что и они не без греха, давалось Ксюше с огромным трудом. Осмысление того, что ее любимые коллеги замыслили подлость, требовало немалых затрат энергии. И в тот вечер Ксюша тоже заглянула в кафе, взяла чайник с чаем и большой кусок «Наполеона» и села за свой столик. И потом, поедая восхитительное пышное пирожное, прослоенное нежнейшим кремом, прощалась со своими иллюзиями насчет своих коллег.

Почему Ксюше вспомнился сейчас именно этот эпизод из ее жизни? Что-то в нем заключалось особенное! Рука девушки с зажатой в ней ложечкой замерла в воздухе. А сама она напряглась, всей своей кожей ощущая, что сейчас может вспомнить нечто очень важное.

– Так-так, – пробормотала Ксюша. – И что же в тот раз было?

Она чувствовала, что это важное касалось именно ее пребывания в кафе. Ни поездки домой, нет, это важное случилось в тот момент, когда она сидела у окна и смотрела на улицу, на машины, на прохожих и...

– Вспомнила!

Ксюша сама не заметила, что выкрикнула это вслух. Лишь увидев, что все вокруг внезапно посмотрели на нее, Ксюша поняла свою оплошность.

– Извините, – пробормотала она, уткнувшись почти самым носом в свои сливки.

Ксюша была стеснительна. И сейчас покраснела так, что казалось, еще немного, и кожа у нее на голове вспыхнет. Но когда она снова подняла голову, никто уже на нее не смотрел. И девушка получила возможность нормально поразмыслить. Итак, что же она видела тем вечером, сидя в кафе? А видела она того самого тощего типа с бородкой клинышком, который так раздражил любопытство девушки еще в музее. Видимо, даже его любознательности имелся свой предел. А возможно, посетителя спугнул Василий Михайлович, который после слов Ксюши не отходил от него ни на шаг.

Так или иначе, мужчина с бородкой вышел из музея и вновь попался на глаза Ксюше.

«И что же он делал?»

Ксюша напрягла свою память, и откуда-то из ее закоулков к ней пришло воспоминание о том, как мужчина дошел до своей машины, сел в нее и уехал. Но что это была за машина, Ксюша не могла припомнить, хоть убей. Ни номера, ни марки, ни модели девушка не помнила. Она лишь помнила, что цвет был какой-то приятный для глаза, цвет ее любимого кофе с молоком. И еще она помнила, что машина была небольшой и компактной, но в то же время и нарядной. Девушка, будь ее воля, не отказалась бы прокатиться на такой машинке.

Наверное, будет очень приятно сидеть на мягких креслах, слушать негромкую музыку, льющуюся из динамиков, и чувствовать рядом с собой тепло мужского плеча.

«И о чем я только думаю!»

Ксюша обвела глазами пространство кафе. Интересно, есть у них видеокamеры? Раньше это была редкость, но сейчас ими обзавелись почти все поголовно. Она подошла к Сереже-баристе. Они были в приятельских отношениях, поэтому Ксюша надеялась на его помощь.

– Да, у нас есть камеры, – подтвердил парень, – но все они находятся внутри помещения. Сама понимаешь, происходящее снаружи нас мало волнует. Улица в этом месте слишком узкая, чтобы мы могли выставить свои столики. Вот грузинам в ресторане, тем повезло. С их стороны улица пошире, и несколько столиков легко там помещается, и в летний сезон они на этом делают хорошую выручку.

Ксюша взглянула, куда указывал ей Сережа. И как это она не сообразила сама, что идти в первую очередь нужно к соседям? Интересующая девушку машина стояла через дорогу, как раз напротив небольшого, но уютного грузинского ресторанчика. Ксюша кинулась туда. Она не рассчитывала на успех. Кто она такая, чтобы ей позволили взглянуть на запись видео, даже если она у них и ведется. Для этого нужно иметь какую-нибудь официальную бумагу из полиции, прокуратуры или откуда-то оттуда. А у нее ничего. Один лишь голый интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.